

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 16

1987

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

**В Е Н О К
П У Ш К И Н У**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

ВЕНОК ПУШКИНУ

СТАТЬИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

От составителя

10 февраля 1987 года наше Отечество и весь мир отдали дань любви и благодарности величайшему русскому писателю Александру Сергеевичу Пушкину в связи со 150-й годовщиной его трагической гибели.

Мы помещаем здесь статьи и исследования видных советских ученых, неоднократно публиковавших в «Огоньке» свои пушкинские разыскания: академика Д. С. Лихачева, председателя Советского фонда культуры; доктора филологических наук Н. Н. Скатова; доктора искусствоведения И. С. Зильберштейна; известного советского пушкиниста И. А. Фейнберга (1905—1979); директора Пушкинского заповедника С. С. Гейченко.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Беседа в Дни памяти А. С. Пушкина

— Дмитрий Сергеевич, когда мы с вами работали над фильмом «Дома у Пушкина», а съемки проходили в самый разгар реставрации последней квартиры поэта, то многие сомневались, стоит ли показывать ее в таком, можно сказать, «обнаженном» виде — без мебели, книг, мемориальных вещей.

Д. Л и х а ч е в. Мне кажется, что мы тогда получили уникальную возможность увидеть и показать квартиру Пушкина на Мойке в ее обнаженно-доподлинном виде, какой ее никогда больше увидеть не удастся. Перед нами открылись совершенно неожиданные, неизвестные вещи. Нина Ивановна Попова, хранитель дома на Мойке, рассказала об интересных находках, которые были сделаны во время реставрации. Они свидетельствуют и о полуторавековой жизни самого дома и о быте Пушкина и его семьи. Мне кажется, что целый ряд археологических фрагментов — живых свидетелей ушедшей эпохи — надо после реставрации сохранить, ведь замечательно интересно увидеть какие-то детали, будь то кусок старых обоев, неожиданно найденное окно, там, где была глухая стена, или что-то еще.

Здесь встает принципиальная проблема мемориального музея. Ведь можно создать, так сказать, типологический музей. Обставить его мебелью пушкинской поры, театрализовать, декорировать — но это будет музей быта, а не музей Пушкина. Можно, конечно, оставить лишь подлинные вещи, но их немного, и организаторам музея будет очень непросто ограниченными средствами добиться достоверности и дать посетителям материал для раздумий.

Надо найти компромиссное решение, золотую середину. В таком музее, как квартира на Мойке, должны быть, конечно, подлинные вещи, их следует тактично дополнить типологическими предметами, как сде-

лано это с книгами библиотеки поэта (она ведь представлена на Мойке дублями пушкинских книг), и, безусловно, в экспозиции должна присутствовать археология, рассказывающая об истории дома, его судьбе и в послепушкинское время.

— А лично у вас что-нибудь связано с этим самым пушкинским местом Ленинграда?

Д. Л и х а ч е в. Конечно, ведь я старый петербуржец. Всю жизнь я живу в этом городе, и это одно из любимых мест моих прогулок. В старости хочется ходить в те места, где бывал в детстве. Здесь еще до революции и до первой мировой войны я бывал с отцом. По воскресеньям мы ходили смотреть развод караула в Зимнем дворце, смотреть и слушать, потому что караул шел во дворец через ворота (развод совершался во дворе) при оглушительном звуке оркестра. После Дворцовой площади мы шли сюда, к окнам пушкинской квартиры, сюда часто приводили детей, здесь не было еще ни музея, ни памятной доски.

Но все петербуржцы знали, что тут умер Пушкин. И приводили детей посмотреть на окна этой квартиры.

Я не специалист по жизни и творчеству Пушкина, моих знаний о Пушкине не больше, чем у любого русского человека, моя специальность — древнерусская литература, но постоянно я возвращаюсь мыслями к Пушкину, постоянно тянет прийти сюда. Я помню, как в доме на Мойке уже в 30-е годы, когда я начал работать в Институте русской литературы, было уже несколько музейных комнат и появился замечательный музейный организатор, Борис Валентинович Шапошников. Он был директором нашего музея в Институте русской литературы и здесь, на Мойке, работал по созданию музея-квартиры Пушкина.

Мне кажется, что он обладал абсолютным музейным чутьем, как люди обладают абсолютным слухом в музыке. Это был совершенно замечательный человек по своему вкусу, именно музейному вкусу, по умению делать экспозиции, создавать музеи.

Потом наступили дни Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года в Мойку, рядом с квартирой Пушкина, попала бомба. Набережная дала трещину, дом был под угрозой, и мы, сотрудники Института русской литературы, пришли сюда, чтобы спасти вещи, экспонаты, мебель. Я тащил со всеми диван — это я очень ясно помню. Потом с трудом достали грузовик, чтобы перевезти вещи в Пушкинский дом. Так что и я совсем немного, но причастен к судьбе музея на Мойке.

— Ведь этот район Ленинграда можно считать как бы пушкинским. И вид из окна его последней квартиры, быть может, самая достоверная его часть. Здесь буквально все напоено Пушкиным, причастно к его жизни, биографии. Дом Пушкина за углом, дом Аракчеева, а за ним Зимний дворец. А во времена Пушкина Зимний был виден из окон его дома.

Д. Л и х а ч е в. Из окон квартиры Пушкина был виден Зимний дворец. Поразительно. На многие размышления может натолкнуть эта, казалось бы, случайность. Дома Аракчеева, который сейчас закрывает дво-

рец, не было, и Пушкин мог видеть обитель царя. Поэт и царь. Ведь именно Пушкин изменил во многом это соотношение. Положение его предшественников было иным. Они получали высочайшие подарки, дорогие табакерки, перстни, обязаны были писать оды и т. д. А Пушкин ощущал себя независимым. Он высоко ставил дело чести поэта и чувство чести поэзии. Ибо поэт и поэзия неразлучны.

Пушкин осознал свою силу как поэта, а без этого сознания не может быть истинного творчества. Вот к каким мыслям приводит это противостояние Мойки и Зимнего дворца, не в житейском смысле, конечно, а в смысле высоком, духовном.

— Но его вдруг назначают камер-юнкером. Николай Первый решил свести его положение к положению поэта придворного.

Д. Л и х а ч е в. Пушкин оскорбился, что его, поэта, царя, низводят до какой-то табели о рангах. Почему царя? Я часто думаю над его строкой: «Ты царь: живи один!» Как нужно ее понимать? Поэт ощущал себя царем в царстве литературы. Это поразительно сказано Пушкиным. Осознавая себя царем, в одиночестве равным со всеми, он как бы замыкается в своем творчестве и ощущает себя властителем не подданных, а властителем мира всего, не только поэтического.

Царем над русской историей в какой-то мере, потому что ведь он же выступает в качестве судьи над Пугачевым, над Петром, над Борисом Годуновым. Он вершит суд свой. Это совершенно замечательное ощущение себя, как царя духа, одинокого царя, взвращающего на Россию, который может сказать словами письма к Чаадаеву, что он никогда не променяет русскую историю ни на какую иную.

Вот почему он оскорбился, а не потому, что перерос возраст камер-юнкера. Бывали они и старыми.

А ведь Пушкин был поэт-пророк. Впрочем, все великие поэты России были проробками — и Лермонтов, и Блок.

Именно это и дало Аполлону Григорьеву право сказать, что «Пушкин — наше все». Будем же всегда помнить эти слова.

— А что, Александрийская колонна была видна из его квартиры?

Д. Л и х а ч е в. Видна была с набережной Мойки. Но это неважно. Важно, что Александрийский столп был недалеко. Ведь вы помните, как начинается «Памятник» Пушкина:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

А что такое Александрийский столп? Ведь этого даже многие ленинградцы не знают. Я помню, когда я учился в университете, нам преподавал английский язык мистер Клер, настоящий англичанин, и вот он говорил нам: «У вас нет патриотизма, у вас, у студентов, у русских, нет

патриотизма. У нас каждый англичанин знает, что такое Нельсонова колонна и кто там стоит на Нельсоновой колонне, а вы не знаете, в честь чего Александрийский столп воздвигнут».

Мы начинаем гадать. Одни говорят, что в честь взятия Парижа, другие — в честь возвращения русской армии из заграничного похода, и так далее.

Он берется за бока и хохочет. «Вот, — говорит он, — вы же не знаете, сколько букв в русской азбуке, я вас спрашивал, вы не знали, вы и тут не знаете самой большой достопримечательности в Ленинграде». Ведь даже Нельсонова колонна на одну треть ниже монолита Александрийской колонны. Она самая большая в мире, это самый крупный монолит в мире. Это же памятник императору Александру Первому». А теперь вдумаемся в строки Пушкина — значит, памятник поэту, воздвигнутый им, выше памятника императору.

«Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа». Это значит, что поэзия, царство поэзии больше и выше, чем власть императора. И это утверждение свободы духа, которое необходимо царству поэзии. Пушкин осознавал себя национальным поэтом, выразителем народных дум, понимал свое предназначение. Он действительно был пророк, кажется, что он знал будущее. Но несомненно, что полное осознание своего предназначения пришло к нему, когда он занялся русской историей, стал интересоваться отношением народа и государства, народа и царя. Это выразилось и в «Борисе Годунове», и «Капитанской дочке», истории Петра, истории Пугачева — здесь Пушкин выступает и как историкограф, и как пророк, он остается верен своей концепции поэта-пророка.

— В последнее время нет-нет да поднимаются вновь вопросы: а надо ли углубленно постигать биографии поэтов и писателей? Некоторые критики, журналисты, скажем прямо, более бойкие, чем глубокие, публично заявляют, что исследование личной жизни писателя — это лишь «суета у черного хода». Возможно, и не стоило бы даже замечать людей, так утверждающих, если бы не наносили они прямой, осознанный вред нашей культуре — после подобных публикаций испуганные издатели начинают всячески тормозить издания биографий писателей, затрудняется и дело с созданием мемориальных музеев.

Д. Л и х а ч е в. Вы затронули чрезвычайно принципиальный вопрос, и я рад, что поднят он именно в связи с Пушкиным. И дело в том, что такие выступления обнажают тревожную тенденцию пренебрежения к биографическому исследовательскому жанру. А это в корне неверно. Ведь поэзия и поэт в новое время неразрывно связаны. Мы удесят�ряем силу поэзии, когда узнаем жизнь поэта, подробности его биографии. Поэтому так велика читательская потребность в мемуарной литературе, поэтому читатели так интересуются биографией Пушкина, жизнью Лермонтова, всеми обстоятельствами ухода и смерти Л. Толстого, судьбами Достоевского и Блока.

— А почему вы сказали о «новом времени»?

Д. Л и х а ч е в. О, в древнее время было совсем по-другому. Я, специалист по древнерусской литературе, точно могу сказать, что тогда произведение жило отдельно от автора, может быть, за исключением «Поучения Владимира Мономаха», которым, кстати сказать, очень интересовался и которое ценил Пушкин, и за исключением «Слова о полку Игореве», которым Пушкин здесь, в этой комнате на Мойке, занимался последние месяцы своей жизни.

Произведения без автора чудная вещь, удивительная. Былины, например, существуют без создателя, их сам народ создал. Но ни «Евгений Онегин», ни «Медный всадник» невозможны без Пушкина. Как невозможны и «Руслан и Людмила», и лицейские стихи. Одно дело читать эти произведения, когда ничего не знаешь о Пушкине, другое дело читать их, когда знаешь жизнь Пушкина, помнишь, в каких обстоятельствах было написано то или иное произведение. Ведь, правда же, это так — поэт и поэзия связаны. Связаны до сих пор, и любая тень, набрасываемая на поэта, накладывается и на его поэзию. Вот это не всегда все сознают, а между тем это крайне важно, крайне важно, и Пушкин это прекрасно понимал. И потому был так последователен и беспощаден в защите чести своей и Натальи Николаевны. Ведь защищая себя и жену, он еще и поэзию, и бессмертие свое защищал от циников и пошляков.

— А ведь очень интересно, что почти сразу после женитьбы Пушкин снимает дачу Китаевой, ближайшую к царскосельским паркам, и приводит туда молодую жену.

Д. Л и х а ч е в. И все это он делает с главной целью — рассказать, нет, не рассказать, а показать Наталье Николаевне свою лицейскую юность, свое отрочество, все, что было связано с самыми счастливыми днями его жизни. Он как бы дарит ей время, проведенное в Лицее, знакомит со своими лицейскими товарищами, учителями. Живая память о былом приходила здесь к поэту, и он делился ею с Натальей Николаевной. А память эту составляли природа, памятники, то есть русская история, слившаяся с природой, и его личная история, которой было буквально напоено это место.

— Дмитрий Сергеевич, вы в книге «Поэзия садов» неоднократно обращаетесь к имени Пушкина. Но тема «Пушкин и сады Лицея», мне кажется, вас наиболее интересует.

Д. Л и х а ч е в. Действительно. Это очень важная и очень непростая тема. Ведь лицейская лирика Пушкина своими темами и мотивами тесно связана с царскосельскими садами. И царскосельские сады и лирика Пушкина в значительной мере зависели от общих им поэтических «настроений эпохи», а само пребывание молодого поэта в «садах Лицея», несомненно, воздействовало на его лицейскую лирику.

Но вначале скажем, что же это такое — «сады Лицея», о которых Пушкин говорит в восьмой главе «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

Даже Владимир Набоков, не говоря уж о других толкователях, не пошел в понимании слов «сады Лицея» дальше, чем определив их как «сады, примыкающие к Лицею». Но в понятии «сады Лицея» есть примечательные оттенки. Ведь сады были непрременной принадлежностью лицеев и академий, начиная со времен Платона и Аристотеля.

Понимание «садов Лицея» как садов, традиционно связанных с учебными заведениями, садов Аристотеля и Платона, было живо и в представлениях царскосельских лицеистов.

И. И. Пущин писал, вспоминая, как его отдавал в Лицей его дед: «Старик с лишком восьмидесятилетний хотел непременно сам представить своих внучат, записанных по его просьбе в число кандидатов Лицея, нового заведения, которое самим своим названием поражало публику в России, — не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в а ф и н с к и х с а д а х, где греческие философы научно беседовали со своими учениками».

Царскосельские сады научили Пушкина сладости воспоминаний, связали поэзию Пушкина с постоянными реминисценциями прошлого и научили его ценить волюность.

Воспоминания рождала в нем не только пейзажная часть Екатерининского парка, но и Старый (Голландский) сад с его удивительной гармонией регулярности и свободы, начал, идущих от человека и от природы.

В пушкинских парках надо хранить эстетический идеал молодого Пушкина и живую память о нем.

Подумайте, Пушкин, женившись, поехал именно в Царское Село. Он хотел поделиться с Натальей Николаевной своими отроческими и детскими воспоминаниями, побродить с ней вместе у озерных берегов, это очень хорошо уловила Ахматова, именно у озерных берегов пейзажных парков. Эстетика пейзажных парков пронизывает поэзию Пушкина, Пушкин был связан не с регулярными парками, а именно с пейзажными, и все даже маленькие отрывки стихотворений Пушкина, посвященные парку, все они связаны с теми или иными пейзажными мотивами.

— Природа царскосельских парков и пейзаж Михайловского, — как они, казалось бы, столь различные, сосуществуют в поэзии Пушкина?

Д. Л и х а ч е в. Пушкин сознательно открыл природу в царскосельских парках, а затем перешел в русскую деревню. Простой русский пейзаж Пушкин знал еще в раннем детстве, в Захарове, но сознательное открытие русской природы произошло в Михайловском и Тригорском. Вот почему они святы для каждого русского человека.

Природа Святых Гор (теперь Пушкинских Гор) служит как бы комментарием к многим стихам Пушкина, к отдельным главам «Евгения Онегина», освящена встречами здесь с его друзьями, с Ариной Родионовной, с крестьянами. Воспоминания о Пушкине живут здесь в каждом уголке. Пушкин и природа здешних мест в дружном единстве творили тут новую поэзию, новое отношение к миру, к человеку! Хранить природу Михайловского и Тригорского мы должны со всеми деревьями, лесами, озерами и рекой Соротью с особым вниманием, ибо здесь, повторяю, совершилось поэтическое открытие русской природы.

Пушкин, идя от природы России, постепенно открыл для себя русскую действительность.

Изменить что-либо в Михайловском и Тригорском, да и вообще в пушкинских местах бывшей Псковской губернии нельзя, так же как и во всяком дорогом нашему сердцу памятном месте. Даже и драгоценная оправа здесь не годится, так как пушкинские места — это только центр той обширной части русской природы, которую зовем Россией.

— Дмитрий Сергеевич, мы говорили о местах, связанных с Пушкиным в Ленинграде и его пригородах, на псковской земле. Хотелось бы услышать ваше мнение о Москве, — как здесь берегут память о великом поэте?

Д. Л и х а ч е в. Одним из значительных событий культурной жизни стало открытие мемориального музея Пушкина на Арбате. Мы давно мечтали о нем. Этот музей создавался долго и трудно, и вот наконец он открыт. Это замечательный подарок всем любящим русскую литературу, русскую культуру. Теперь, видимо, надо думать о создании музея или концертного зала Государственного музея А. С. Пушкина в церкви Большого Вознесения, где венчался поэт. Для этого здание следует не откладывая освободить от арендуемого его учреждения и передать московскому музею поэта. Говоря о пушкинской Москве, я не могу не сказать о человеке, который много сил отдал созданию мемориальной квартиры Пушкина на Арбате. Это Марк Михайлович Баринов. Незадолго до преждевременной кончины он стал директором Государственного музея А. С. Пушкина и всего себя отдавал служению памяти поэта. Писатель, журналист, моряк, он пришел к Пушкину уже в зрелом возрасте, и любовь его к русскому гению была действенной. В свое время именно с Марком Михайловичем делился я идеей создания в Москве «Пушкинского парка». Действительно, есть в Москве в пределах Бульварного кольца в буквальном смысле пушкинский район. Определяется он не административными границами, а духовным содержанием. И рождается идея «Пушкинского парка», состоящего из нынешних бульваров, скверов в арбатских и кропоткинских переулках, ведущего нас к другому зеленому массиву в центре столицы — к парку имени Горького.

Что же это такое — «Пушкинский парк»? Прежде всего это будущее, недалекое будущее, которое мы должны создать для того, чтобы получить своеобразное Михайловское в Москве.

Человеку в наше время, как никогда, важно периодически, не от случая к случаю, переключаться на тишину, на природу и на высокие размышления. Это не доброе пожелание, это объективная необходимость, условие, при котором мы сумеем создать нравственное здоровье, активное, психически устойчивое общество коммунистического будущего.

Образ сада, Эдема, образ места уединения от суеты жизни всегда, во все времена был желанным. Сейчас такой сад жизненно необходим, его надо смело вводить в самые сердцевинные части современных городов, особенно современных сверхгородов.

Такой парк, непременно имеющий длительные пешеходные маршруты (обязательно для прогулок, а не садик для сидения на скамейках!), будет способен привлекать людей из квартир, чтобы они сменили бездумное «расслабление» у телеэкрана на зеленую тишину, прогулки, размышления.

Для создания «Пушкинского парка» практически надо совсем немного: не сносить жилые кварталы, не перепланировать проспекты, не вести сложные строительные работы.

Создание парка я вижу в выполнении нескольких принципов.

Первый — тщательные работы садоводов-специалистов над превращением бульваров Тверского, Суворовского, Гоголевского в романтические парки.

Второй — создание непрерывного «зеленого» пешеходного маршрута от памятника Пушкину до пушкинского музея на Кропоткинской улице.

Третий — переулки Арбата должны быть «зоной зелени и тишины» «Пушкинского парка». После уничтожения старых, малоценных построек здесь осталось много пустырей. Следует их тщательно засадить деревьями и кустарниками, составляющими фрагменты большого парка. Переулки должны стать, безусловно, пешеходными.

И, наконец, четвертый принцип организации «Пушкинского парка» заключается в том, что все работники культуры, и в первую очередь сотрудники Государственного музея А. С. Пушкина, должны принять участие в создании парка, сделал все памятные места (ведь здесь не только пушкинские — здесь и дом Гоголя, и дом Аксаковых, и дом Герцена, и дом Блока) органическими, необходимыми составными частями этой огромной зоны духовной тишины. Все, о чем я говорю, в конце концов и не ново. Ведь были в свое время старые парки, в которых такими «опорами духа» были античные статуи, фонтаны, гроты, искусственные руины. В нашем обществе свободных людей, свободного духа иные символы, иные святыни. И потому я убежден, что «Пушкинский парк» будет. Дело только за тем, чтобы идея созрела в душах...

В создании «Пушкинского парка» или Пушкинской зоны не надо заниматься только украшательством, ставить, например, огромные фонари — нелепо, посреди улицы, и не надо превращать парковую зону в ме-

сто бойкой торговли: только антикварные, книжные и букинистические магазины, сувенирные лавки, кафе для встреч и никакой шумной музыки.

Будущее живет в делах и планах сегодняшнего дня. Скоро великая годовщина — двухсотлетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Пусть же нашим подарком любимому поэту и себе, детям и внукам, потомкам нашим будет «Пушкинский парк» в столице.

— На VIII съезде писателей вы выступили с конкретными предложениями о переиздании произведений целого ряда русских писателей, чьи книги по тем или иным причинам долгое время были преданы забвению, не печатались. А существуют ли работы о Пушкине или его времени, которые необходимо вернуть к активной жизни?

Д. Л и х а ч е в. Я с огромным удовлетворением слежу за переменами, которые сейчас происходят, и по мере сил стремлюсь участвовать в процессе обновления. Действительно, на VIII съезде писателей я назвал имена некоторых русских авторов, чьи книги надо издать и без излишнего шума и ажиотажа ввести в читательский оборот. Кое-что уже сделано, хотя в этом очень важном аспекте перестройки иные литературные деятели, облеченные чинами и должностями, усмотрели чуть ли не посягательство на основы литературной и общественной жизни. Большого цинизма и выдумать нельзя. И я рад, что абсолютное большинство литераторов и читателей поддерживает тот ветер перемен, который врывается в атмосферу. Разве не симптоматично, что будет издано в приложении к журналу «Огонек» 12-томное собрание сочинений Карамзина, куда войдет и его «История государства Российского». Честь и хвала «Огоньку», проявившему инициативу в этом деле. Н. М. Карамзин, которого высочайше ценил Пушкин, наконец выйдет к самому широкому читателю.

Конечно, надо издать многие забытые, очень хорошие исследования о Пушкине. Например, комментарии Владимира Набокова к «Евгению Онегину», статьи о Пушкине пронзительно умного Владислава Ходасевича, особенно «Колеблемый треножник», да и ряд других работ. «Мой Пушкин», как сказала Цветаева, был у многих русских писателей, и как бы было интересно собрать в одну книгу наиболее яркие, концептуальные статьи и речи, выходящие за пределы собственно академического пушкиноведения, начиная, например, с бессмертной пушкинской речи Ф. М. Достоевского и гениального завещания А. А. Блока «О назначении поэта». Это была бы поистине провидческая книга.

— Одно из ваших выступлений называлось «Пушкин и мы». Что вы вкладываете в это понятие? Почему вы считаете, что тема «Пушкин и мы» бессмертна, а процесс расширения знаний о Пушкине, любви к нему безграничен?

Д. Л и х а ч е в. Пушкин — это лучшее, что есть в каждом из нас. Это доброта и талант, смелость и простота, демократичность и жизненность, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду

и к людям труда... И еще мы нежно любим и постоянно оплакиваем Пушкина потому, что он погиб за свои убеждения, за честь, за любовь. Погиб в бою, с оружием в руках.

Говоря про честь, я в первую очередь имею в виду бой за честь поэта, ибо не может ни уважать себя, ни жить, ни быть уважаемым и любимым читателями поэт с замаранной честью. Этот закон в полной мере действует и сегодня. Не будут ни уважать, ни любить поэта, как бы хорошо он ни писал, если он марает свою честь корыстолюбием, низкопоклонством или иными бесчестными качествами.

Я думаю о Бородине, о героях 1812 года. Современники Пушкина, многие из них — его близкие друзья. И в то же время никому из нас не придет на ум считать Багратиона и Кутузова, Раевского и Ермолова, Дениса Давыдова и Надежду Дурову своими современниками. Они наша славная, величаява, героическая, прекрасная история.

А Пушкин — нет! Он наш, сегодняшней, современный. Это не столько можно объяснить, сколько понять душой, всем существом своим. Однако хочу попытаться выразить, высказать это словами. Вся короткая жизнь Пушкина известна нам с детства не только по школьному курсу, по биографическим книгам — главным образом по его собственным произведениям.

Думаю, что тайна безмерного обаяния Пушкина в том, что он в каждое мгновение жизни, в каждой ее песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный, вселенский смысл. И потому он не просто любил жизнь во всех ее проявлениях, жизнь была для него величайшим таинством, величайшим действием. И потому он был велик во всем: и в своих надеждах, и в своих заблуждениях, и в своих победах, и в своей любви к людям, к природе, в любви к Родине, к ее истории, ее будущему.

Даже самые закоренелые циники, самые отъявленные мещане и обыватели, самые легкомысленные вертопрахи ближе или глубже в душе своей сознают — или всегда, или со временем — свою ничтожность.

А все простые хорошие люди на планете или знают, или догадываются, или смутно ощущают, что жизнь вокруг нас и в каждом из нас есть величайшая тайна, требующая серьезного, глубокого отношения, полной отдачи, и что жизнь за это дарит нам ощущение счастья, гармонии, полноты существования. В конечном счете это и есть идеал каждого из нас. И в Пушкине этот идеал был воплощен в полной мере. Потому он и есть наш идеал, вечно живой, вечно с нами.

Это философская сторона вопроса. А бытовое ее воплощение оказывает на нас, людей восьмидесятых годов XX века, не меньшее, если не большее воздействие.

Мы уважаем труд, знаем цену труду, ценим людей по их труду. Пушкин был первым профессиональным литератором России, он жил своим трудом, боролся против произвола издателей, добивался достойной оплаты за труд поэтов, писателей, драматургов.

Он был верным другом и добрым товарищем.
Он не боялся царей и презирал карьеристов-вельмож.
Он был другом декабристов, их учеником и их учителем.
Он был нежным, заботливым мужем, заботился о чести и покое жены до последней минуты жизни.

Наконец, он был просто здоровым, нормальным, веселым, смелым и сильным человеком.

И все эти простые, земные, общечеловеческие превосходные качества никогда не будут забыты, всегда будут залогом его бессмертия в наших сердцах.

Много пишут о Пушкине — величайшем поэте, гении. Но народ любит гениев, простых в своем величии и великих в своей простоте. И потому я подчеркиваю здесь именно простые, общечеловеческие черты в образе Пушкина.

Размышляя о Пушкине, люди невольно сравнивают себя с ним. А сделал ли бы и я так? А поступил бы так же? А что я думаю об этом?

Это очень полезные размышления и очень важные. Они способствуют пробуждению в наших душах и умах самых лучших, самых высоко-нравственных мыслей и устремлений.

В конечном счете это и есть самовоспитание добром и красотой человеческой души.

И в заключение нашей беседы я хочу напомнить слова Гоголя, который гениально сказал об Александре Сергеевиче Пушкине: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным, это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Беседу вел Д. Чуковский

Н. Н. СКАТОВ

ДЕТСТВО ГЕНИЯ

Еще первый биограф поэта П. В. Анненков, справедливо отметив, что в пору долидейского своего детства будущий поэт не был любимым ребенком, а предпочтительная любовь матери отдавалась старшей доче-

ри Ольге и младшему сыну Льву, сделал из этого важный и далеко идущий в объяснении пушкинского характера вывод: «Это обстоятельство, однако же, имело впоследствии благодетельное влияние на последнего. Не избалованный в детстве излишними угождениями, он легко переносил лишения и рано привык к мысли искать опоры в самом себе». Не здесь ли одно из объяснений того, что толстый, неловкий и малоподвижный ребенок, повергавший тем в отчаяние отца и особенно живую, экспансивную красавицу мать, таким маленьким Ильей Муромцем сиднем сидевший до поры до времени, вдруг лет с семи преобразился в живого, энергичного, очень подвижного и здорового мальчугана.

Но, может быть, самое главное и замечательное: будущий поэт родился и воспитывался от самых ранних лет в литературной семье. И не просто литературной, но — поэтической. Так эта пушкинская семья и воспринималась современниками еще задолго до появления «главного» Пушкина-поэта. «Три Пушкина в Москве и все они поэты», — писал Батюшков. Это Сергей Львович Пушкин, его брат Василий Львович и их родственник Алексей Михайлович. При этом французские стихи даже Сергея Львовича не были «стихами для себя», они, конечно, не печатались, не становились фактами собственно литературы, — но, что, может быть, здесь и существеннее, не отъединялись от жизни, входили в быт и становились фактами быта, жили в самом воздухе и во всей атмосфере этой семьи. Самое любительство и литературный дилетантизм этому даже помогали. По воспоминаниям дочери, Сергей Львович был создан для общества, «которое умел он оживлять неистощимою любезностью и тонкими остротами, изливавшимися потоком французских каламбуров. Многие из этих каламбуров передавались в обществе как образчики необыкновенного остроумия (...), он оставил в дамских альбомах множество прекрасных стихов, под которыми могли бы подписаться и лучшие представители блистательной эпохи французской литературы. В одном из таких альбомов, принадлежавшем знаменитой в свое время польской пианистке Шимановской, теще впоследствии польского поэта Мицкевича, сохранилось послание к ней, прозою и стихами перемежку, в котором автор знакомит ее с современною русскою литературою».

Явно отцовское чувство острого слова, рано развившийся вкус к каламбуру, судя по некоторым свидетельствам, уже отличали еще совсем крохотного Пушкина: «В детских летах, сколько я помню Пушкина, он был не из рослых детей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым, но волосы в малолетстве были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И. И. Дмитриев сказал: «Посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Дитя рассмеялось, и оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело:

«По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик (И. И. Дмитриев был рябой. — Н. С). Рябчик и арабчик оставались у нас целый вечер на зубах».

Василий же Львович и просто был известным русским поэтом, позднее знаменитый племянник воспользуется некоторыми его образами в самых знаменитых своих произведениях.

Семья была образованной или даже, как пишет уже о Василии Львовиче его биограф, образованнейшей и владела прекрасной библиотекой. А у некоторых родственников Пушкиных и близких им людей, у того же Василия Львовича, у Бутурлиных книжные собрания подчас приобретали уникальный характер. Потому же семья Пушкиных оказалась не только литературной, но приобщенной к самым-самым верхам литературы. «Нет сомнения, — писал П. А. Вяземский, — что первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью. Отец его, Сергей Львович, был в приятельских отношениях с Карамзиным и Дмитриевым и сам, по тогдашнему обычаю, получил если не ученое, то литературное образование (...) Вся эта обстановка должна была благотворно действовать на отрока».

При детстве и отрочестве Пушкина стояли и Батюшков, и Жуковский, и Дмитриев, и сам Карамзин. Таким образом, будущий глава русской литературы с самого раннего возраста и потому, может быть, особенно насыщено и органично питался личными впечатлениями от своих литературных предшественников — подобного дара детства потом уже не получит ни один из русских поэтов и писателей. Только представьте гипотетического писателя конца XIX века, у литературной колыбели которого собрались бы одновременно Тургенев, Достоевский, Лев Толстой в придачу, скажем, с Лесковым и Глебом Успенским.

«В самом младенчестве, — засвидетельствовал отец поэта, — он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин — не то, что другие. Одним вечером Николай Михайлович был у меня, сидел долго, — во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год». Вряд ли это сцены, при всей их необычности, задним числом придуманные: шести лет понимал, что Карамзин «не то, что другие». По воспоминаниям М. Н. Макарова один ученый француз, Жиле, сказал тогда ему о маленьком Пушкине: «Чудное дитя! Как он рано начал все понимать! Дай бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет». Не забудем, что ведь речь идет о литературном гении. И как важно, что этот гений оказался из тех россиян, для которых, как напишет он потом в посвящении к «Борису Годунову», драгоценная память связалась не только с томами «Истории государства Российского» ученого Карамзина, но и с детскими, почти младенческими восприятиями разговоров засидевшегося в гостях семейного друга «Николая Михалыча».

Маленький Пушкин развивался в семье под воздействием двух начал, вроде бы прямо противоположных и тянувших в разные стороны. Но, думается, только на первый взгляд.

Литературная, во многом и бытовая, стихия была французской. На французском писали стихи и письма, на французском читали статьи и книги, по-французски говорили в семье и в «классе». Да и гувернерами были образованные французы, сначала Монфор, к тому же музыкант и живописец, потом Русло, к тому же поэт. Обычно галломания русского общества той поры, и пушкинской семьи в частности, оценивается как что-то безусловно отрицательное. Но, наверное, стоит же обратить внимание на такой факт. Национальный гений, пусть в детстве, должен, казалось бы, как-то противостоять такому иноземному бедствию, пусть не осозанным, но хоть интуитивным отрицанием: неприятием, равнодушием, просто учебным неуспехом. Кстати сказать, такое абсолютное равнодушие тогда вызывают у мальчика немецкий (в доме была гувернантка-немка да и в Лицее немецкому учили) и английский (гувернантка-англичанка тоже была и уроки английского тоже были). И потом придет время и заинтересованного изучения английского, и горького сожаления о неизучении немецкого. Но — потом. В семейном же своем детстве Пушкин буквально упивается не только французской литературой, но именно французским языком. На котором пишутся и первые стихи. Такую одержимость трудно объяснить только влиянием среды. Она явно идет изнутри, органично рождаясь и продолжаясь даже в Лицее, так что создатель русского литературного языка, уже в сущности становясь им, получит там кличку «Француз».

«Воспитание, — писал А. В. Дружинин, — полученное Александром Сергеевичем в доме родительском, при всей его французской односторонности имело свои хорошие стороны. Мы слишком свысока смотрим на систему старого воспитания, забывая о том, что многие великие люди прошлого да и нашего столетия воспитывались на французском языке, французской словесности и французских понятиях... Разбирая влияние домашнего воспитания на талант Пушкина, мы все-таки признаем его полезность. Оно (...) сообщило его уму ту остроумную гибкость, без которой поэту невозможно говорить на языке, еще не вполне установившемся, каков был русский язык в эпоху деятельности Пушкина». В деле практического усвоения и усвоения законов русского языка очень важно, что Пушкину, как писал тот же Дружинин, «законы французского языка, столь определенного, сжатого, обработанного и в совершенстве развивающего умственную гибкость пишущего, были знакомы до тонкости».

В отцовском доме будет Пушкиным освоена и французская литература, прежде всего в лице французских писателей-классиков XVII века и в виде классической французской философии века XVIII. Во французских же переводах предстанут древние: и с девяти лет читавшиеся «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и «Илиада» и «Одиссея». Не

слишком много занимавшиеся детьми родители во всяком случае горячо поощряли и развивали в них, по воспоминаниям сестры поэта, страсть к чтению и сами читали им вслух занимательные книги, а особо им любимого Мольера отец перед ребенком даже и разыгрывал. Не случайно, конечно, что и первые творческие попытки сына были сделаны на французском языке, при этом в Пушкине-ребенке комедиограф едва ли не предшествовал поэту: «...любимым его упражнением было импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрою, которая в этом случае составляла всю публику и произносила свой суд. В то же время пробовал сочинять басни...»

Тогда же начались скандалы с некоторыми из гувернеров: не знает уроков, а занимается «вздором» — стихами. Определялась еще в детском варианте, но как показала жизнь, чуть ли не одна из главных драматических коллизий, сопровождавших пушкинскую судьбу и дававших многим пищу для бесконечных обвинений и противопоставлений: первостепенные, серьезные дела (служба, наука, политика...) и — чепуха, вздор, в крайнем случае второстепенность — поэзия, стихи...

Пушкин именно в детстве своем и в семье своей прошел великую литературную школу, большого смысла которая, впрочем, не имела бы, если бы тогда и там же, то есть дома, не была пройдена другая школа, еще не собственно литературная, но тоже школа: русской жизни, русского языка и, соответственно, русского мирозерцания. И тоже школа классическая, в России и для русского писателя всегда великая — народная. Учителя у Пушкина здесь с детства были великолепные.

Американцы, например, ведь и сейчас удивляются нашим «бабушкам» как особому институту русской жизни и русского воспитания, так мало принятому на Западе, но при всех трансформациях общественной жизни у нас и доселе все-таки не распавшемуся. У Пушкина была такая бабушка. Это бабушка по матери, Мария Алексеевна, человек чисто русского облика, языка и ума. Чуткий Дельвиг, видимо, недаром восхищался складом русской речи пушкинской бабушки в ее письмах внуку, когда тот станет лицеистом. К тому же все, что могла говорить и внушать носившая африканскую фамилию бабушка (по матери — Ржевская) бабка поэта, обретало насыщенный контекст в самой жизни, ибо летом семья всегда перебиралась в ее имение Захарово, и русского деревенского воздуха за пять лет мальчик, слава богу, нахватался. Тем более, что и в Захарове и в того же прихода деревне Вязёма люди умели и петь и плясать: селения были богатыми. Поэтому-то и позднее в мундирном лицейском воспитаннике придворного Царского Села останется жить бойкий мальчишка деревенского Подмосковья:

Мне видится мое селенье,

Мое Захарово... — напишет Пушкин-лицеист в стихах 1815 года.

Мое! И это ощущение своего Захарова пронесется через всю жизнь. «Все наше рушилось, Марья», — с горечью скажет поэт, навестив Захарово уже в 1831 году. Наше! Кстати, именно бабка первоначально научила

поэта русскому чтению и русскому письму. Так что французскому обучали его образованные французы, но и русскому учили не невежды, вплоть до Лицея мальчику Пушкину русский (наряду с законом Божиим) преподавал священник Мариинского института Александр Иванович Беликов, не только известный проповедник, но и литератор-переводчик.

Как известно, родной дядюшка Василий Львович окажется для Пушкина, что он неоднократно шуточно обыграет, поэтическим дядюшкой. В лицейских стихах 1816 года «Дяде, назвавшему сочинителя братом» племянник-поэт писал:

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических, шатаюсь на Пегасе,
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.

Однако и дядька Никита Козлов станет для него чуть ли не поэтическим дядюшкой. Есть свидетельства, что Никита не только был знатоком и передатчиком сказов и былин, но и создавал их по мотивам с Соловьями-Разбойниками и Еруславами собственные стихи. Позднее Александр Пушкин немедленно вызовет барона Корфа, поднявшего на его дядьку руку, на дуэль, а Никита Козлов повезет тело поэта к последнему пристанищу в Святых Горах после последней, роковой дуэли 1837 года.

Наконец, няня. Арина Родионовна недаром стала одним из самых знаменитых образов пушкинского окружения, если не вообще знаком русского начала при Пушкине, да и во всей нашей жизни сделалась как бы символом всех русских нянь. Прежде всего потому, что она стала одним из самых постоянных, знаменитых и, так сказать, хрестоматийных образов пушкинской поэзии:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

Это не сентиментальное воспоминание о прошлом. Это о няне, по тому что о себе, при котором она не детской, а всегдашней няней, постоянным часовым. Это написано в зрелую пору обретения окончательных ценностей. То же несколько ранее («Зимний вечер») и много позднее («Вновь я посетил...»).

«Была она,— скажет ее воспитанница, сестра поэта,— настоящей представительницею русских нянь, мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками». А уже первый биограф Пушкина П. В. Анненков возведет ее в высокую степень обобщения: «Родионовна принадлежала к типическим и благороднейшим лицам русского мира».

Позднее Пушкин напишет: «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка». Совершенное знание свойств русского языка для него, конечно, было бы невозможно без таких ранних, буквально с детским молоком впитанных «изучений», принятых от типичнейших и благороднейших лиц русского мира. «Вообще,— точно заметил Чернышевский,— очень многие описания русских народных нравов и обычаев не были бы у Пушкина так живы и хороши, если б он не был с детства пропитан рассказами из народной жизни».

Традиция изучения французского языка и французской литературы продолжится и даже усилится в Лицее, но традиция «изучения старинных песен, сказок и т. п.» здесь почти прервется; почему поэт и скажет в сердцах о недостатках проклятого своего воспитания именно тогда, когда он быстро и упорно, опять при няне в Михайловском, будет от таких недостатков избавляться.

Казалось бы, в условиях Лицея «француз» Пушкин должен был особенно усиленно писать французские стихи. Ничего подобного. Почти все, что пишется, а пишется много всего, пишется по-русски. И здесь, в отроческом Лицее, тем более необходимыми и постоянно вызываемыми будут впечатления детских долицейских лет: домашние, русские, деревенские, сказочные-народные:

...детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины

Чуть освещал глубокие морщины...
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней
И в вымыслах носился юный ум.

Такие детские впечатления подлинно «золотого детства» питали поэта во все лицейские годы — и это стихотворение написано в 1816 году, да и называется «Сон». А пушкинские сны — никогда не простая условность, они всегда рождаются из самых глубин души человека и уводят в ее подспудье, часто и самому-то человеку неизвестное.

Значение старинного слова «мамушка» (согласно наиболее точному и узкому смыслу «кормилица» — буквально, по пословице «Мамка не матка») в этом стихотворении вбирает и несет все возможные значения, когда мамушка — и няня, и мать, и бабушка — вообще кормилица, но уже говоря очень широко.

Недаром кто-то из исследователей и биографов Пушкина усматривает за пушкинской мамушкой няню Арину Родионовну, а кто-то бабушку Марию Алексеевну. Те и другие в конце концов правы, ибо дело здесь уже не столько в реалиях, стоящих за пушкинским словом, сколько в самом пушкинском слове, в пушкинском стихе, в пушкинском образе.

А как с другим полюсом жизни, с другим началом воспитания — французским?

«Проклятое воспитание» давало себя знать: первые литературные опыты Пушкина были на французском языке. Но «чуждые краски» держались поверхностно и непрочны, а под влиянием великих исторических событий стали и вовсе спадать с палитры поэта». Это Д. Д. Благой писал в университетском учебнике, тем самым утверждая уже истину как бы хрестоматичную и бесспорную.

Дело в том, однако, что именно для Пушкина даже чужие краски никогда не были чуждыми. И уж тем более не приходится говорить, что они держались поверхностно и непрочны. Особенно французские, особенно в пору детства и отрочества. Правда, Пушкин уже в Лицее пишет мало французских стихов, но само по себе влияние французских стихов было необходимо для становления русских стихов, русского языка, русской литературы. Русская необходимость рождала мальчика, одержимого французским стихом, французской литературой, французской мыслью, — «француза» Пушкина. Именно у Пушкина сам характер соотношения «французского» и «русского» был насыщенно необходим и исторически значим для судеб национальной культуры.

Поразительный пример уже даже у зрелого Пушкина. Пушкин пишет с Татьяной письмо Онегину и — колеблется между русским и фран-

цузским. Благодаря сообщению Петра Андреевича Вяземского мы знаем, что сначала Пушкин хотел написать письмо по-французски. То есть, видимо, по-французски он может это сделать. И сравнительно легко. Но нужно-то это сделать по-русски. А по-русски это сделать все еще очень трудно. Так возникают внутренние смятенности, сомнения, колебания. И, наконец, разрешение, совершившееся на взаимодействии двух начал и давшее удивительный феномен двойного авторства: Татьяна пишет свое письмо по-французски, а Пушкин пишет ее письмо по-русски.

«Нужно ли говорить о том, — писал в 1828 году о Пушкине журнал «Московский вестник» именно в связи с письмом Татьяны, — как вместе с ним зреет язык русский? Мы удивляемся, как наши дамы, прочитав письмо Татьяны и всю третью песнь Онегина, еще до сих пор не отказываются в обществе от языка французского, и как будто все еще не смеют или стыдятся говорить языком отечества». Любопытнейшая характеристика: язык Пушкина по ней представляется за весь русский язык и весь его движет. Настолько, что, как видим, с достоинством (сами с усами) французскому уже и противопоставляется. Критик только не знает и, в некотором национальном самодовольстве, не чувствует, что Пушкин не стыдится «говорить языком отечества» и потому, что не отказывается от языка французского. Поскольку речь идет о зрелом Пушкине, все это становится тем более показательным для понимания процесса, растянувшегося на долгие годы, уже завершившегося, но начало которому лежит в детстве. Недаром зрелый, все более приходящий к четким теоретическим осознаниям Пушкин напишет в 1825 году П. А. Вяземскому: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы, т. е. языка мыслей)».

Таким образом, Пушкин создавал русский литературный язык, создавать который ему очень помогал французский литературный язык, но уже отнюдь не карамзинским еще довольно механическим путем ввода тех или иных слов, калькирования и т. п., а усвоением некоторых общих начал и принципов.

Перед Пушкиным, еще ребенком, предстала упорядоченная гармоничная, языковая и поэтическая система, которая и была тогда исторически важна и привлекательна для целой России. Конечно, следует учесть и все издержки, которые при этом рождались, то есть важно понять их именно как издержки, тогда же дававшие основания для многочисленных и справедливых критик галломании — сатирических и несатирических.

Французские книги, которые осваивал маленький Пушкин, не были лишь другим литературным полюсом, только противостоянием французского русскому, литературного начала народному, тоже им тогда уже впитывавшемуся. С Мольером, с Лафонтеном эти книги являли велико-

лепный пример лаборатории сплавов, своеобразной обогатительной фабрики по переработке народных руд в чистое золото искусства самой высокой пробы. Иначе говоря, русскую народность Пушкин учился осваивать и в хорошей французской школе.

К Лицею Пушкин пойдет подготовленным как никто из первых лицейских абитуриентов — и не только за счет гениальных способностей, но и благодаря пройденной в семейном детстве школы: человеческой, духовной, интеллектуальной.

Буквальные учебные успехи, как, впрочем, почти всегда с исключительными людьми необычных способностей, конечно же, ни о чем не говорят. Потому-то такой педагог уже будущего, как Н. Г. Чернышевский, напишет о таком ученике прошлого, как А. С. Пушкин: «Каким же образом успел он приобрести многосторонние познания, без которых невозможно сделаться хорошим литератором? Дело в том, что Пушкин только не любил учить уроков, которые было надобно каждый день приготавливать к завтрашним классам, а любознательности в нем было очень много. Страсть к чтению развилась в нем рано — лет с восьми или девяти... Редко можно встретить человека, который бы прочел так много книг, как он. Потому и неудивительно, что он был одним из самых образованнейших людей своего времени, хотя в школе и считался посредственным учеником. Не с одним Пушкиным было так: люди с блестящими способностями часто пренебрегают школьным преподаванием, которое кажется для них слишком медленно, или не касается предметов, особенно интересующих их ум».

Недаром позднее у Пушкина его лицейские табельные оценки разойдутся по полюсам: либо отличные (российская поэзия, французская риторика), либо посредственные или даже нулевые как «выражение отсутствия всякого знания» (все остальные, среди которых, помимо математики и эстетики, и немецкая риторика, да и прилежание с поведением тоже).

Но, во всяком случае, следует сказать, что в семье Пушкина хорошо подготовили к Лицею, и тогдашние лицеисты в отличие от позднейших биографов это понимали. «Все мы, — писал один из хорошо подготовленных к Лицею, лучших его учеников Иван Пуцин, — видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхивали. Все, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам находят случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование, но нисколько не сделала его заносчивым, признак доброй почвы».

Здесь в бытовом вроде бы рассказе схвачена суть Пушкина — человека и поэта; он не «как все» и в то же время он «как все» — в этом глав-

ная особенность Пушкина, в этом главная особенность и нормально-гениального пушкинского детства.

Как почти всегда будет у Пушкина и позднее, ранние этапы его становления подчеркнуты и зримы, переходы от одного состояния к другому выделяются совершенно четко, временные и географические границы явственно обозначаются. Домашнее детство — Москва, деревня, семья. Ученическое отрочество — Петербург, Лицей, товарищи.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

ДНЕВНИК АННЕТ ОЛЕНИНОЙ

Среди тех современниц, которых Пушкин обессмертил посвященными им стихами, одно из первых мест занимает Анна Алексеевна Оленина. Она была дочерью близкого знакомого Пушкина — президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки, писателя, археолога и рисовальщика А. Н. Оленина. Увлеченный поэт посвятил ей цикл замечательных лирических стихотворений. В 1828 году Пушкин хотел жениться на Олениной. Неоднократно набрасывая профиль девушки в своих черновиках, он пишет «Annette Puchkine» и анаграмму, обратное начертание ее имени: «Aninelo ettenna», то есть «Annette Olenina».

И вот передо мной лежит альбом двадцатых годов прошлого века в кожаном переплете, с золотым обрезом и с выгисненным на нем золотом одним только словом: «Annette». Это девичий дневник А. А. Олениной, в котором нашли отражение и встречи с Пушкиным и косвенно его сватовство.

Но прежде чем рассказать о дневнике Олениной и о его судьбе, напомним читателю, что именно к Олениной обращены семь стихотворений Пушкина; в отношении еще трех стихотворений есть основания предполагать, что они отчасти связаны с ней, а в двух других поэт восторженно отзываясь о ее внешних и душевных качествах. Аннет Оленина вдохновила Пушкина на создание следующих стихотворений 1828 года: «Увы! Язык любви болтливый...», «Ты и вы» («Пустое вы сердечным ты...»), «Не пой, красавица, при мне...», «Волненьем жизни утомленный...», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), «Город пышный, город бедный...», — нет нужды говорить о том, что эти стихи с предельной полнотой выражают отношение поэта к Олениной. Кроме того, Пушкин написал в ее альбом стихотворения «Приметы» («Я ехал к вам: живые сны...»), «В альбом» («Что в имени тебе моем?») и «Я вас любил: любовь еще, быть может...». А вот упоминание об Анне Алексеевне в стихотворении, обращенном к английскому живописцу Джорджу Доу, соз-

дателю 332 портретов героев войны 1812 года для Военной галереи Зимнего дворца, предполагавшему написать портрет Пушкина:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты:
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

В другом стихотворении, стремясь запечатлеть «глаза Олениной моей», поэт так говорит о них:

Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..

Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Когда в конце 1810-х годов юноша Пушкин стал бывать у Олениных, их дом был своеобразным центром литературной и художественной жизни Петербурга. Здесь поэт познакомился и подружился со многими выдающимися писателями, учеными, живописцами, композиторами, артистами, с передовыми людьми того времени. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин, один из пяти казенных организаторов восстания, показал на следствии: «С Пушкиным я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина в 1819 году». В этом кругу и выросла младшая дочь Оленина, Аннет, родившаяся в 1808 году. У нее было музыкальное дарование — ее пением восхищались, а в совсем молодые годы она написала музыку к думе Рылеева «Смерть Ермака».

Вспоминая о том времени и рассказывая о многогранных культурных интересах отца — он знал десять языков: старославянский, латинский, греческий, французский, немецкий, итальянский, испанский, английский, еврейский, арабский, — Анна Алексеевна пишет: «Батюшке я сама во многом обязана, от его истинного глубокого знания и мне кое-что перепало. В его разговорах, выборе для меня книг и в кругу незабвенных наших великих современников: Карамзина, Блудова, Крылова, Гнедича, Пушкина, Брюллова, Батюшкова, Глинки, Мицкевича, Утки-

на, Щедрина и прочих почерпала я все, что было в то время лучшего» (цитируем по неизданной рукописи воспоминаний А. А. Олениной).

Этот перечень друзей Олениных можно значительно дополнить: в их доме бывали также Жуковский, Вяземский, Языков, Катенин, Шиллинг, Виельгорские, Ф. П. Толстой, Боровиковский, Венецианов, Кипренский, Гальберг, декабристы Никита и Александр Муравьевы и множество других видных представителей культурного мира России.

После семилетней ссылки Пушкин вернулся в Петербург в мае 1827 года и, очевидно, возобновил свои посещения дома Олениных и вновь встретился с Аннет. Ей уже исполнилось 19 лет, а за два года до этого она была назначена фрейлиной императорского двора. Пушкин по возвращении встречался с ней и у общих знакомых. И совсем часто они стали видеться с весны 1828 года — об этом существует множество документальных свидетельств. По одним только письмам П. А. Вяземского к жене можно установить, что Пушкин был у Олениных 17 апреля и 3 мая, а 5 мая он пришел на бал к Мещерским, где находилась Аннет. Весь день 9 мая поэт провел в обществе Олениных и художника Доу — они совершили совместную поездку по морю на пироскафе.

В Приютино, усадьбе Олениных, Пушкин был своим человеком. Они туда переехали в середине мая 1828 года, и ему случалось подолгу гостить у них. Вот что пишет жене Вяземский 21 мая, посетив накануне Приютино: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес».

Здесь, в Приютино, Анна Алексеевна и начала в июне 1828 года вести дневник. Альбом, который носит на переплете ее имя, вероятно, был подарен ей кем-нибудь из близких, быть может, отцом. Примечательно, что один из двух эпитафий, написанных ею на форзаце, она взяла из пушкинского произведения:

«Я все грущу: но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет!

(«Евгений Онегин» Пушкина)»

И уже в первой дневниковой записи, сделанной 20 июня в Приютино, упоминается Пушкин, которого она встретила накануне: «Вчера была я для уроков в городе, видела моего ангела Машу Эльмпт и обедала у верного друга Варвары Дмитриевны Полторацкой. Как я ее люблю! Она так добра и мила! Там был Пушкин и Миша Полторацкий. Первый довольно скромн, и я даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не соврал чего в sentimentalном роде».

Многое можно прочесть в этих кратких строчках! Значит, у Аннет Олениной были основания считать, что во время предыдущих встреч

Пушкин вел себя не совсем скромно, опасаться, как бы он «не соврал чего в сентиментальном роде». Возможно, ее строгая мать Елизавета Марковна (урожденная Полторацкая), опасаясь пушкинских «любовных гримас», по слову Вяземского, наказала дочери их остерегаться.

Четыре недели спустя — 17 июля — Аннет вносит в альбом странную запись, где говорит о своей сокровенной девичьей мечте — выйти замуж. В этой записи упоминается и Пушкин в качестве одного из возможных женихов. Запись начинается так: «Я лениво пишу в журнале, а, право, так много имею вещей сказать, что и стыдно пренебрегать ими: они касаются, может быть, счастья жизни моей». И далее: «Разговорила я после обеда с Иваном Андреевичем Крыловым о наших делах. Он вообразил себе, что Двор вскружил мне голову и что я пренебрегала бы хорошими партиями, думая выйти за какого-нибудь генерала. В доказательство, что не простираю так далеко своих видов, назвала я ему двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них: Мейендорфа и Киселева. При имени последнего он изумился. «Да, — повторила я, — я думаю, что они — не такие большие партии, и уверена, что вы не пожелаете, чтобы я вышла за Краевского или за Пушкина». «Боже избави, — сказал он, — но я желал бы, чтобы вы вышли за Киселева и, ежели хотите знать, то он сам того желает. Но он и сестра говорят, что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает».

А через несколько строк Аннет записывает следующее: «Сама вижу, что мне пора замуж: я много стою родителям, да и немного надоела им. Пора, пора мне со двора, хотя и это будет ужасно. Оставив дом, где была счастлива столько времени, я войду в ужасное достоинство жены! Кто может узнать судьбу свою; кто скажет, выходя замуж, даже по страсти: «я уверена, что буду счастлива». Обязанность жены так велика: она требует столько *abnégation de soi-même**, столько нежности, столько снисходительности и столько слез и горя! Как часто придется мне вздыхать из-за того, кто пред престолом всевышнего получил мою клятву повиновения и любви; как часто, увлекаемый пылкими страстями молодости, будет он забывать свои обязанности! Как часто будет любить других, а не меня... Но я преступлю ли законы долга, будучи пренебрегаема мужем? Нет, никогда!»

На следующий день — 18 июля 1828 года — Анна Алексеевна вновь возвращается к тем же мыслям. Но теперь она приходит к наивному решению — написать роман. Любопытно ее рассуждение о том, кто займет центральное место в ее будущем сочинении: «Пушкин и Киселев — два героя моего теперешнего романа. Сергей Голицын, Глинка, Грибоедов и в особенности Вяземский — персонажи более или менее интересные. В отношении женщин, их всего трое, — героиня — это я, второстепенные лица — это тетушка Варвара Дмитриевна Полторацкая и госпожа

* Самопожертвования (франц.).

Василевская. Я говорю от третьего лица, пропускаю первые годы, перехожу прямо к делу» (эти строки написаны в дневнике по-французски). И далее Аннет Оленина в беллетризованной форме описывает свою встречу с Пушкиным на балу у Е. М. Хитрово (дочери Кутузова) после возвращения поэта из ссылки:

«Однажды, на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой, Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин» (в дневнике эта фраза также по-французски, дальнейший абзац по-русски).

«Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательною наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава, природного и принужденного, и неограниченное самолюбие — вот все достоинства и недостатки телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия. Говорили еще, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно знать; что он распутный человек, — да к похвале всей молодежи, они почти все таковы. Итак все, что Анета могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен».

Наивно, даже по-детски описывает Оленина внешний облик Пушкина и его характер. (Упомянув о «стеклянных» глазах поэта, она имеет, очевидно, в виду их светлый цвет: «в голубых или, лучше сказать, стеклянных...»)

Продолжение вышеприведенной записи написано в дневнике по-французски. Вот его перевод:

«Среди особенностей поэта была та, что он питал страсть к маленьким ножкам, о которых он в одной из своих поэм признавался, что предпочитает их даже красоте. Анета соединяла со сносной внешностью две вещи: у нее были глаза, которые порой бывали хороши, порой глупы. Но ножка ее действительно была очень мала, и почти никто из ее подруг не мог надеть ее туфли».

Пушкин заметил это преимущество, и его жадные глаза следили по блестящему паркету за ножками молодой Олениной.

Он только что вернулся из десятилетней* ссылки. Все — мужчины и женщины — старались проявлять к нему внимание, которое всегда оказывают гению. Одни делали это ради моды, другие — чтобы иметь прелестные стихи и приобрести благодаря этому репутацию, иные, на-

* Ошибка. Пушкина не было в столице семь лет.

конец, вследствие истинного почтения к гению, но большинство — потому, что он был в милости у государя Николая Павловича, который был его цензором.

Анета знала его, когда была еще ребенком. С тех пор она восторженно восхищалась его увлекательной поэзией.

Она тоже захотела отличить великого поэта: она подошла и выбрала его на один из танцев; опасение быть осмеянной им заставило ее опустить глаза и покраснеть, подходя к нему. Небрежность, с которой он спросил, где ее место, задела ее. Предположение, что Пушкин мог принять ее за дуру, оскорбило ее, но ответила просто и за весь остальной вечер уже не решилась выбрать его.

Но когда подошла его очередь приглашать и исполнять фигуру, она увидела его приближающимся к ней. Она подала ему руку, отвернув голову и улыбаясь, потому что это была честь, которой все завидовали.

После этих строк Аннет записывает (также по-французски): «Я хотела написать роман, но мне надоело, лучше я просто буду писать свой дневник. Я перечитала портрет Пушкина и рада, что он мне удался — его можно узнать из тысячи! Но продолжим мой дорогой дневник».

11 августа 1828 года А. А. Олениной исполнилось двадцать лет. В числе тех, кто приехал в Приютино, чтобы ее поздравить, был и Пушкин. Вот что она записала по этому поводу в своем дневнике 13 августа:

«В субботу было мое рождение, мне минул 20-й год! Боже, как я стара, но что же делать. У нас было много гостей, мы играли в бары-разбойники, после много пели. Пушкин, или «Red Rower», как я прозвала его, был по обыкновению у нас; он влюблен в Закревскую и все об ней толкует, чтобы заставить меня ревновать, но притом тихим голосом прибавляет мне нежности. Милый Глинка и премилый Сергей Голицын (Фирс) были у нас, первый играл чудесно и в среду придет дать мне первый мой урок пения».

В те дни в столичной прессе появились сведения о продаже нового романа Фенимора Купера «Red Rower» («Красный корсар») — отсюда и прозвище, которое Оленина дала поэту. В этой записи упоминаются А. Ф. Закревская — Пушкин посвятил ей несколько стихотворений, — М. И. Глинка и его приятель С. Г. Голицын, дилетант на поэтическом и композиторском поприще.

Строки о дне рождения помещены на 21-й странице дневника, дальнейшие двадцать страниц были заполнены в сентябре, а на 41-й Оленина начинает записывать свои воспоминания о недавних неделях жизни, которые озаглавливает: «Роман моего сочинения». Здесь она вновь возвращается к памяtnому для нее дню 11 августа. На странице 60-й Оленина пишет слово «Рожденье», затем в качестве эпиграфа приводит строки из «Евгения Онегина»:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.

После этого идет подробная запись, связанная с молодым казачьим офицером А. П. Чечуриным, с которым Оленина познакомилась незадолго до дня своего рождения. Начинается запись так: «Настал желанный день. Мне минуло, увы, 21 год! Еще когда я одевалась, я получила несколько подарков, а именно: герой прислал мне китайское зеленое вышитое шелком одеяло. Я сошла вниз. Все поздравили меня, я благодарилась, смеялась, шутила и была очень весела. Поехали к обедне и возвратясь сейчас же пошла одеваться». Почему молодая девушка прибавила себе в этой записи год — непонятно. (Вероятно, она хотела написать: «мне пошел 21-й год») Описав далее свой разговор с Чечуриным, Анна Алексеевна пишет: «Мы сели за стол. Пушкин, Сергей Голицын, Глинка, Зубовы и пр. приехали. Меня за обедом все поздравляли, я краснела, благодарилась и была в замешательстве».

В записи имеются такие фразы: «Наконец все разъехались дамы, остались одни мужчины. Мы сели ужинать за особый стол, и тут пошла возня: всякий пел свою песню или представлял какое-нибудь животное». В дальнейших строках дневника сказано, что гости «уехали поздно». Приходится пожалеть, что в данной записи целые страницы уделены Чечурину, а о Пушкине говорится мимоходом.

Это поддается объяснению. По-видимому, в те самые дни, когда заполнялись эти страницы дневника, озаглавленные Олениной «Роман моего сочинения», Пушкин просил руки Анны Алексеевны, но получил от ее матери решительный отказ. Такой вывод можно сделать из записи, внесенной в дневник 19 сентября: в ней описано празднование 5 сентября, дня именин матери, Елизаветы Марковны, на котором присутствовал Пушкин. Эта запись глубока по внутреннему содержанию.

«Пока все приготавливалось в зале, я напомнила Сергею Голицыну его обещание рассказать мне об известных событиях. После некоторого жеманства он сказал мне, что это касается поэта. Он умолял меня не менять поведения по отношению к нему. Сергей порицал маменьку за ее суровость к Пушкину, говоря, что это не способ успокоить его. Когда я сказала ему о дерзости, с которой Штерич говорил мне у графини Кутайсовой о любви Пушкина ко мне, Сергей мне отвечал, что он уже заметил Штеричу, что это не его дело, и что я ему очень хорошо ответила. Я была в ярости от речей, которые Пушкин держал на мой счет. Он сказал мне тогда: «Вам передавали, не правда ли, что Пушкин сказал: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам». Это было при мне сказано, и не совсем так. Я ведь знаю, кто и зачем Вам это передал, Вам это сказала Варвара Дмитриевна!» (запись сделана по-французски, лишь три последние фразы написаны по-русски).

Великосветский болтун, камер-юнкер Е. П. Штерич повторил Олениной то, о чем тогда поговаривали в аристократических салонах Петербурга. А Варвара Дмитриевна Полторацкая делала все, чтобы ее брат Николай Киселев мог жениться на Анне Алексеевне.

О том, в каком настроении пребывал Пушкин 5 сентября на именинах Елизаветы Марковны, свидетельствуют следующие строки в той же записи Аннет Олениной: «Прощаясь, Пушкин сказал мне, что он должен уехать в свое имение, если, впрочем, у него хватит духу, — прибавил он с чувством» (в этой фразе только первые четыре слова написаны по-русски).

В чем же причина отказа родителей Анны Алексеевны выдать дочь за Пушкина? В литературе вопрос этот ставился неоднократно. Значительную роль в отказе, по мнению исследователей, начиная от одного из первых пушкинистов, П. И. Бартенева, сыграли тревожные для поэта события, имевшие место в том же 1828 году: 28 июня Государственный совет, членом которого был А. Н. Оленин, постановил учредить за Пушкиным секретный надзор, а в начале августа он был вызван к петербургскому военному губернатору для показаний о «Гавриилиаде». Конечно, Пушкин в эти месяцы был для Олениных не тем человеком, за которого они хотели бы выдать свою дочь, фрейлину императорского двора. Но, думается, немалое значение в этом отказе имело и то, что Олениным были известны прежние увлечения поэта. Так, Елизавета Марковна, безусловно, хорошо знала, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье» посвящено ее родной племяннице, которая не делала из этого секрета. Ведь Анна Петровна Керн сама, как она рассказывает в своих воспоминаниях, передала автограф этого стихотворения для опубликования А. А. Дельвигу: «Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих «Северных цветах». Мих. Ив. Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя». Стихотворение появилось в печати в начале 1827 года с заглавием «К***». Не могла не знать и Аннет, что «Я помню чудное мгновенье» обращено к ее двоюродной сестре, — альманах «Северные цветы», вероятно, лежал у нее на столе, когда в своем дневнике она цитировала первые четыре строки этого стихотворения. Да и Пушкин не скрывал своих отношений с Керн — в феврале 1828 года он написал с полной откровенностью С. А. Соболевскому о характере этих отношений. О том же могло быть известно не только Соболевскому. Не сыграло ли все это некую роль при отказе Олениных от предложения Пушкина?

Теперь вкратце о том, как дневник А. А. Олениной сохранился до наших дней.

Вышла замуж Анна Алексеевна уже после смерти Пушкина — в 1840 году, в возрасте 32 лет, за офицера лейб-гвардии гусарского полка Ф. А. Андро де Ланжерона. Его отец, французский эмигрант граф А. Ф. Андро де Ланжерон, поселился в России в 1790 году, служил в русской армии и участвовал в войнах против Швеции и Турции, при-

нимал участие в Отечественной войне 1812 года; новороссийский генерал-губернатор, он был одним из строителей Одессы. Пушкин познакомился с ним во время пребывания в Одессе и часто встречался. Сын Ланжерона Федор Александрович вместе с семьей переехал в 1844 году в Варшаву, где был сначала адъютантом Паскевича, а затем в течение четырнадцати лет — президентом Варшавы. В Польше Анна Алексеевна прожила около сорока лет.

О судьбе богатого архива А. А. Олениной рассказала в зарубежной печати ее внучка Ольга Николаевна Оом. По ее словам, муж Анны Алексеевны ревновал жену к ее блестящему прошлому, а потому «все, что некогда наполняло ее девичью жизнь, не должно было более существовать, даже как воспоминание». И весь свой богатый архив она сложила в «рундук» и отправила на чердак, где он пролежал сорок лет. И только после смерти мужа в 1885 году, когда Анна Алексеевна переехала в Серединные Деражни — имение ее младшей дочери Антонины Федоровны Уваровой в Волынской губернии — семидесятисемилетней старушкой, она приступила к разбору своего архива. Даже то, что запомнилось и было записано ее внучкой спустя пятьдесят лет, поражает. Она рассказывает, в частности, об альбомах с автографами и рисунками Пушкина, упомянув, что там были «все больше ножки гирляндюк вокруг стихотворений 1828 года». Один из альбомов Анна Алексеевна подарила этой внучке, в будущем О. Н. Оом. В нем, в числе других автографов, было два стихотворения Пушкина — «Что в имени тебе моем?..» и «Я вас любил, любовь еще, быть может...» Второе стихотворение поэт вписал в альбом в 1829 году, а в 1833-м сделал под ним приписку: «Pluquerait — давно прошедшее, 1833».

В своих воспоминаниях, напечатанных в 1936 году, О. Н. Оом рассказывает: «Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. В тайнике своей души сохранила она причину этого пожелания: было ли это простое сожаление о прошлом или затронутое женское самолюбие, мне неизвестно, но желание Анны Алексеевны я исполнила, и автограф не сделался достоянием печати. Теперь же, когда прошло более ста лет со времени создания Пушкиным этого чудного стихотворения, я думаю, что то значение, которое Анной Алексеевной придавалось пометке Пушкина, уже утратилось». К великому сожалению, местонахождение этого альбома, до конца 1917 года сохранявшегося в доме О. Н. Оом в Петрограде, теперь неизвестно.

По словам той же мемуаристки, в других альбомах ее бабушки были рисунки О. А. Кипренского — один из них изображал Крылова, другой, исполненный в 1812 году, детей Олениных — Анну и ее сестру Варвару, акварельные эскизы К. П. Брюллова для костюмированных балов в Зимнем дворце, музыкальные записи М. И. Глинки.

После того, когда 15 декабря 1888 года Анна Алексеевна скончалась, ее архив, как то нередко бывало и бывает, расплылся. Часть оста-

лась у А. Ф. Уваровой, младшей дочери, где Анна Алексеевна провела последние годы жизни, другая часть поступила к средней дочери С. Ф. Сталь-фон-Гольштейн — матери О. Н. Оом, значительная часть перешла к старшей дочери А. Ф. Гарбинской, жившей в Варшаве.

Долгие годы ее дочь Софья Андреевна сохраняла реликвии из архива бабушки. Но многое С. А. Гарбинская утратила. Так, у нее в Польше находился дневник А. А. Олениной, относящийся к последним годам жизни Пушкина, «трагическая кончина которого, — как говорит О. Н. Оом, — глубоко опечалила Анну Алексеевну и была ею подробно в нем описана». Когда О. Н. Оом встретила в 1920-х годах со своей двоюродной сестрой, этого дневника у нее уже не оказалось. Зато С. А. Гарбинская передала ей дневник «Annette», о котором идет речь в настоящей очерке. В 1936 году О. Н. Оом напечатала в Париже дневник в количестве всего лишь 200 пронумерованных экземпляров. У нас об этом дневнике писала в специальном научном издании, вышедшем небольшим тиражом, известная пушкинистка Т. Г. Цявловская, но она пользовалась парижским изданием, в котором текст дневника приведен не полностью, притом со многими неточностями, перестановками, изменениями. Поэтому дневник Аннет Олениной нуждается в новом издании, научно подготовленном.

Хочется отметить, что дневник этот проделал невероятно длинный путь за долгие годы своего существования. Выйдя замуж, А. А. Оленина увезла его на сорок лет в Варшаву, затем привезла его с собой в Волынскую губернию, когда поселилась у дочери. После смерти Анны Алексеевны дневник перешел к другой ее дочери, жившей в Польше, а затем к внучке. В 1920-х годах его получила О. Н. Оом, другая внучка Анны Алексеевны, поселившаяся после революции во Франции. И, наконец, в 1940-х годах дневник оказался в руках сына О. Н. Оом, В. Н. Звегинцова, жившего в 1919 году за рубежом.

В очерке «Воспетая Пушкиным» я уже упоминал В. Н. Звегинцова, которому принадлежал исполненный П. Ф. Соколовым акварельный портрет М. Н. Волконской с сыном*.

В результате наших встреч и бесед Владимир Николаевич принял решение отправить на родину некоторые из принадлежащих ему рукописных материалов и портретов, относящихся к пушкинской эпохе. Это прежде всего дневник его прабабушки А. А. Олениной, выдержки из которого только что приводились. Передал он мне также рукопись двух глав, которые Анна Алексеевна только и успела написать, и то не полностью, из задуманных ею мемуаров, уже на склоне лет, в 1881 году. Решив поведать будущим поколениям то, что «видела и слышала на своем веку», она набросала лишь вводную главу, которую озаглавила «Первый листок»; затем в 1884 году она принялась за другую главу, но, так и не

* Воспроизведено в «Огоньке» № 47, 1966.

доведя ее до конца, к своим воспоминаниям больше не возвращалась. Но и в том немногом, что она написала, имеется ряд интересных исторических и бытовых подробностей, касающихся ее деда, бабушки, отца. Остается только пожалеть, что Анна Алексеевна не осуществила своего замысла и не оставила нам подробных воспоминаний о прожитом и виденном,— это был бы, безусловно, интересный мемуарный памятник. Затем В. Н. Звегинцов передал четыре письма графа А. Ф. Ланжерона, адресованных ученому-эллинисту Жану Гею, хранителю библиотеки Королевской академии во Франции; темы писем — археологические изыскания, которыми А. Ф. Ланжерон страстно увлекался.

Письма эти сохранились в бумагах А. А. Олениной. У В. Н. Звегинцова оказался также портрет Ф. А. Андро де Ланжерона, исполненный двоюродным братом графом Дамá, и книга «Стихотворения» Н. И. Гнедича, вышедшая в 1832 году в Петербурге, с дарственной надписью: «Ея Высокопревосходительству Елизавете Марковне Олениной в свидетельство искреннего уважения. Н. Гнедич. Ноябрь. 6. 1832».

Н. И. Гнедич был в большой дружбе с семьей Олениных. И в эту книгу он включил пять стихотворений, в которых о них говорится. Пространное «Приютино» имеет подзаголовок «Посвящено Елизавете Марковне Олениной (1820 г.)», и четыре других обращены к ее дочери Анне Алексеевне: «К А. А. О. При получении ею в подарок китайского везера»; «Аннете О. в альбом»; «А. А. О. (В альбом, 1827)»; «К кающейся грешнице (1827)». (На полях последних двух стихотворений указано старинным почерком, что они относятся к А. А. Олениной). Прошло менее трех месяцев с того дня, когда поэт подарил своим друзьям этот экземпляр своих «Стихотворений»,— и жизнь его оборвалась: 3 февраля 1833 года Н. И. Гнедич скончался. А 6 февраля Пушкин, А. Н. Оленин, И. А. Крылов, Ф. П. Толстой, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев несли гроб поэта...

Кстати отметим, что, кроме Пушкина и Гнедича, А. А. Олениной посвящали свои произведения Крылов, Лермонтов, Козлов, Веневитинов.

И, наконец, Владимир Николаевич передал на родину две весьма примечательные вещи: они не только свидетельствуют о том, что существовали два портрета А. А. Олениной, один — кисти Карла Брюллова, а другой — Александра Брюллова, но и дают представление об этих, ныне утраченных портретах.

Почти четырнадцать лет Карл Брюллов отсутствовал в Петербурге: В августе 1822 года весьма одаренный двадцатидвухлетний живописец выехал в качестве пенсионера Общества поощрения художников сроком на три года в Италию для совершенствования своего мастерства, но случилось так, что он вернулся из-за границы в конце декабря 1835 года в Москву, а в Петербург приехал лишь в конце мая следующего года.

И если отношения между президентом Академии художеств А. Н. Олениным и Брюлловым до его отъезда за границу были слож-

ными, если не сказать неприязненными, то после возвращения художника в Петербург Оленин устроил ему в здании Академии художеств чествование, а затем всячески содействовал осуществлению его творческих замыслов.

На чествовании, состоявшемся 12 июня 1836 года, Оленин выступил с речью, в которой сказал, что в этот день «свершилось торжество в честь превосходного таланта одного из питомцев Академии, торжество, какому не было еще примера в летописях С.-Петербургской императорской Академии художеств».

А когда Брюллов сразу же после приезда в столицу уведомил о своем решении написать картину «Осада Пскова», Оленин оказал ему всяческое содействие — организовал поездку в Псков «для осмотра местности и памятников древности, которые там могли остаться», и дал ему в помощники акварелиста и археолога Ф. Г. Солнцева, выполнившего в связи с картиной ряд подсобных работ. Наконец, сам президент Академии художеств во многом Брюллову помог, так как познания Оленина в области истории Древней Руси были огромны, и перу его принадлежали многочисленные труды по этим вопросам.

Сохранилось письмо Оленина, в котором говорится об одном из его посещений мастерской художника: «...я видел подмалеванную картину Карла Брюллова и перенес себя мысленно в Псков, где в 1581 году происходило то, что наяву сегодня видел в мастерской Карла Брюллова — чудо да и полно!» Далее Оленин просит дочь, Анну Алексеевну — письмо было направлено ей и датировано 10 июля 1839 года, — обратиться к великому князю Михаилу Павловичу с такой просьбой: «Не будет ли его высочество столько милостив, чтобы позволить мне, по прежнему примерам, брать из арсенала его высочества по выбору Карла Брюллова, для осады Пскова в лицах, то оружие, которое по тогдашнему времени может ему служить образцом, в сохранности же и целости оных я буду отвечать подписными расписками и своей головой».

В эти годы отношения Брюллова с Олениными были самыми дружескими, он бывал в их петербургском доме, гостил в Приютине. И, возможно, не раз писал портреты Олениных. Но если обратиться к лучшим из существующих исследований о художнике, то в них можно найти всего лишь одно указание на то, что по возвращении в Петербург художник исполнил в 1837—1838 годах портрет А. Н. Оленина, местонахождение которого неизвестно и который известен только по гравюре Н. И. Уткина.

Между тем О. Н. Оом, со слов своей бабушки, пишет: «Брюллов был своим человеком в семье Олениных. Его кисти принадлежат многочисленные портреты супругов Олениных и их дочерей». Более того, в выпущенном О. Н. Оом в 1936 году в Париже издании дневника Олениной воспроизведена копия портрета Анны Алексеевны, исполненного Карлом Брюлловым в 1842 году.

Все это осталось вне поля зрения исследователей творчества художника.

Подлинник портрета, правда, пока неизвестен, но зато В. Н. Звегинцов передал копию с него, выполненную в середине прошлого века масляными красками художником А. Поповым. Копия эта сделана, по-видимому, в уменьшенном формате (22 × 17 см). Нужно думать, что она дает верное представление о брюлловском полотне, так как выполнена очень тонко, весьма профессионально. Анна Алексеевна изображена сидящей в кресле, справа от зрителя на постаменте бюст ее отца, исполненный в мраморе в 1831 году С. И. Гальбергом, большим другом Карла Брюллова (ныне бюст находится в экспозиции Русского музея).

Облик А. А. Олениной овеян задушевностью, да и весь лирический строй, в котором решен портрет в целом, оставляет самое отрадное впечатление. Не исключено, что отыщется и оригинал Брюллова.

Существовал еще один, но исполненный акварелью портрет Анны Алексеевны, кисти брата Брюллова, Александра. До 1917 года он находился у ее дочери Антонины Федоровны в Киеве. Чудом уцелевшая у В. Н. Звегинцова фотография — единственное, что пока известно об этом портрете, писанном в 1840 году. Представляется вероятным, что он был исполнен в связи со свадьбой А. А. Олениной.

Благодаря тому, что О. Н. Оом раскрасила фотографию, глядя на акварель Александра Брюллова, можно получить и некоторое представление о цветовой гамме подлинника. Анна Алексеевна изображена на этом портрете сидящей вполборота, облокотившись правой рукой на тумбу. На ней белое открытое платье, оголяющее плечи. На руках две синие с золотом ленты, такого же цвета пояс, свободно и низко перевязанный, на груди бриллиантовый бант с подвеской. На шее черная лента. Волосы спадают завитыми локонами. Кстати сказать, рисуя в своих творческих тетрадях профиль Аннет Олениной, Пушкин неизменно набрасывал ее локоны. Хочется надеяться, что воспроизведение этого портрета, исполненного Александром Брюлловым, поможет выяснить судьбу оригинала*.

Ольга Николаевна Оом скончалась в 40-х годах нашего века, до конца дней оставаясь преданной дочерью своей родины. Вот что она писала внукам и внучкам в посвящении к изданию дневника А. А. Олениной: «Я была бы счастлива, если бы при чтении этой небольшой книги в вас укрепились любовь к России и ее великому прошлому, если бы в сердцах ваших эта любовь сохранилась так же, как она хранится в сердцах людей нашего поколения».

Самое отрадное воспоминание осталось у меня от встреч в Париже с сыном О. Н. Оом — В. Н. Звегинцовым, человеком широких позна-

* Воспроизведены в «Огоньке» № 49, 1966.

ний в различных областях истории, литературы и искусства, владеющим пятью языками.

Какое счастье, что реликвии его прабабушки Анны Алексеевны Олениной попали именно к нему! Несмотря на все трудности и превратности своей жизни, Владимир Николаевич сумел сохранить их. И как характерна для этого человека фраза, сказанная им в одном из последних писем ко мне: «Вы не можете себе представить, какой камень спал с моей души после того, что благодаря Вам удалось все эти предметы вернуть домой, на Родину».

Дневник Аннет Олениной, две главы ее воспоминаний, книга стихотворений Н. И. Гнедича с дарственной надписью Е. М. Олениной, а также четыре письма А. Ф. Ланжерона переданы мною, по согласованию с В. Н. Звезгинцовым, в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР; копия бюлловского портрета А. А. Олениной (1842 года), исполненная А. Поповым, фотография портрета Олениной, написанного Александром Брюлловым в 1840 году, а также портрет Ф. А. Андро де Ланжерона — в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве (на Кропоткинской улице).

И. Л. ФЕЙНБЕРГ

ПРОПАВШИЙ ДНЕВНИК

Когда бумаги Пушкина — через сорок пять минут после смерти поэта — были опечатаны Дубельтом, жандармы пронумеровали листы пушкинского дневника, сорвав стальной замок, которым замкнут был его переплет, и на внутренней стороне переплета помечено было: «№ 2». Но «такая же тетрадь, за № 1, взятая по смерти Пушкина... в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии, не была возвращена наследникам поэта, до сих пор не разыскана и, может быть, уже не существует, — писал в 1909 году П. О. Морозов, поясняя: — Покойный академик Сухомлинов, имевший доступ во все архивы, говорил нам, что он всюду тщетно искал эту рукопись и ничего не мог узнать о ее судьбе».

Так писал не только П. О. Морозов, ученый, которому удалось расшифровать листок с зашифрованными рукой Пушкина стихами десятой, «декабристской» главы «Евгения Онегина». Не сомневались в существовании пропавшего дневника поэта и такие авторитетные исследователи, как Н. О. Лернер, П. Е. Щеголев. Н. К. Козмин допускал, что дневник существует и находится, может быть, за границей. В отличие от них Б. Л. Модзалевский и М. Н. Сперанский, а в наше время Н. В. Измай-

лов отрицали существование неизвестного пушкинского дневника. М. А. Цявловский после некоторых колебаний пришел в конце концов к тому же отрицательному выводу. Но вопрос о судьбе дневника достаточно исследован не был и остается, в сущности, нерешенным.

Между тем в 1925 году за рубежом, в издававшемся в Праге эмигрантском историко-литературном сборнике «На чужой стороне», появилось неожиданное сообщение. «В 1937 году будет опубликован полностью не изданный еще большой дневник Пушкина (в 1100 страниц), — писал Модест Гофман в статье «Еще о смерти Пушкина». — Несомненно, что он прольет большой свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина, подготовившую эту дуэль; сколько мы знаем, однако, этот дневник еще больше реабилитирует честь его жены, чем все те материалы, которые до сих пор были в распоряжении пушкинистов».

Но ни в 1937 году, когда истек столетний срок со дня смерти Пушкина, ни позднее неизвестный дневник поэта опубликован не был. Существует ли он действительно?

В конце прошлого столетия академик Сухомлинов, как сказано, тщетно искал его в секретном архиве III Отделения, но разыскиваемый дневник мог там и не находиться. И не только потому, что мог быть уничтожен, поскольку Николай I предписал после смерти поэта: «Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, доставить для прочтения и, «ежели таковые найдутся» (а к числу их мог быть отнесен и неизвестный дневник поэта), по прочтении предать их огню»*.

Неизвестный нам дневник Пушкина мог избежать секвестра и не попасть в III Отделение, если он в часы посмертного обыска почему-либо не находился в кабинете поэта. Вспомним, что письма Пушкина к жене (которые еще при жизни его чрезвычайно интересовали царя и поэтому перлюстрировались) хранились у Натальи Николаевны и она сама отдала их Жуковскому, которому пришлось потом оправдываться перед Бенкендорфом, доказывая, что только эти письма он и вынес в своем цилиндре (из гостиной, пояснял он, а не «из кабинета Пушкина, где стоял гроб его»)**.

Поэт мог хранить неизвестный дневник вне своего кабинета и сознательно. Таким образом, уцелел он скорее всего, если не попал в число рукописей, изъятых жандармами, — и оказался на руках у наследников поэта. Чтобы ответить на вопрос о причинах, которые могли побудить их сохранять дневник в тайне, надо вспомнить о судьбе другого, известного нам пушкинского дневника.

* См.: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е, М.-Л. 1928, с. 229—230.

** См.: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е, с. 244.

Дневник «№ 2», страницы которого пронумерованы жандармами, возвращен был вдове поэта, а затем перешел к его старшему сыну, Александру Александровичу Пушкину, который удержал его у себя, даже когда передал в 1880 году другие рукописи поэта в дар Московскому Румянцевскому музею. Несмотря на то, что отрывки из этого дневника постепенно публиковались, старший сын поэта не любил показывать подлинный дневник даже своим сыновьям и внукам; об этом рассказывали мне правнучки Пушкина Татьяна Николаевна Галина и Наталья Сергеевна Шепелева.

Александр Александрович, тот самый «Сашка», о котором Пушкин когда-то сказал: «Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями», не склонен был оглашать страницы дневника, содержащие резкие отзывы поэта о царях — Николае I и Александре I — и их приближенных. Когда пушкинист В. Е. Якушкин, внук декабриста, прочел на одном из заседаний выдержку из дневника, содержащую такого рода строки, Александр Александрович, рассерженный, вышел из комнаты, хлопнув дверью. Однажды только, в 1903 году, по просьбе тогдашнего президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, сын поэта решил переслать в Петербург рукопись дневника для снятия полной копии.

Александр Александрович Пушкин скончался в 1914 году, в день объявления войны, и принадлежавший ему пушкинский дневник перешел к старшей дочери поэта, Марии Александровне, вспоминая о которой П. И. Бартенев писал: «Выросши, она заняла красоту у своей красавицы матери, а от сходства с отцом сохранила тот искренний задумчивый смех, о котором А. С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи»*. Вспоминая впечатление, какое она произвела при встрече на Льва Толстого, Т. А. Кузминская рассказывала: «Знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»**.

Мария Александровна Пушкина (в замужестве Гартунг) дожила до Октябрьской революции; она умерла в глубокой старости в Москве в 1919 году, и рукописный дневник поэта перешел к внуку его Григорию Александровичу Пушкину, который был тогда командиром Красной Армии и находился на фронте. 11 октября 1956 года я записал рассказ вдовы его, Юлии Николаевны Пушкиной, о том, как она одна похоронила в тот трудный год Марию Александровну и взяла пушкинский дневник. Внуки решили наконец передать его в музей.

* «Русский архив», 1907, № 6 (2-я обложка).

** Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, изд. 3-е. Тула, 1958, с. 465.

Юлия Николаевна Пушкина рассказала мне, вспомнив подробности, как она отвезла в Москву в конце июня 1919 года дневник поэта из Лопасни, где работала учительницей. Большой по формату и заключенный в переплет дневник она зашила в холст и спрятала из осторожности под платнем; время было такое, что ехать в Москву ей пришлось на крыше вагона, дневник торчал так, что кто-то, не разобравшись, сказал ей: «Туда же, беременная, а лезешь на крышу». Но доведен был дневник благополучно, и, честно сделав тогда свое дело, Юлия Николаевна показала мне бережно сохраненную ею расписку:

«Собственноручный Дневник поэта Александра Сергеевича Пушкина принят мною от Юлии Николаевны Пушкиной 20 июня/21 июля 1919 года для Отделения рукописей Румянцевского музея и помещен мною в Хранилище рукописей вместе со всеми автографами поэта, пожертвованными Музею Александром Александровичем Пушкиным. — Хранитель Григорий Петрович Георгиевский. Несколькими годами спустя, в 1923 году, дневник был наконец издан — не по копии, а по подлиннику — Государственным издательством РСФСР.

Юлия Николаевна скончалась 22 января 1967 года в Москве, а сын ее, Григорий Григорьевич Пушкин, родной правнук поэта, здравствует и поныне. В Москве живут правнучки и праправнучки Пушкина. Но сведений о неизвестном нам дневнике поэта у них нет.

...Он оказался, по-видимому, за рубежом: по крайней мере первые сведения о нем, опубликованные в 1925 году Модестом Гофманом в пражском журнале, шли от внучки поэта Елены Александровны Пушкиной, уехавшей за границу и вышедшей в Стамбуле замуж за ротмистра Н. Розенмайера.

В 1922—1923 годах Елена Александровна писала советскому торговому представителю в Париже М. И. Скобелеву, предлагая приобрести у нее гербовую печать, принадлежавшую поэту, и некоторые другие пушкинские реликвии. В одном из писем она сообщала: «Что касается до имеющегося неизвестного дневника (1100 страниц) и других рукописей деда, то я не имею права продавать их, так как, согласно воле моего покойного отца, дневник деда не может быть напечатан раньше, чем через сто лет после его смерти, то есть раньше 1937 года».

Елена Александровна была дочерью Александра Александровича Пушкина, которому принадлежал известный нам пушкинский дневник («№ 2»), и потому сообщение ее о не изданном еще дневнике поэта не могло не привлечь внимания. С письмом ее вскоре ознакомился Модест Гофман, который был направлен в Париж Российской академией наук в связи с приобретением ею «Онегинского музея», то есть собрания пушкинских рукописей и реликвий, принадлежавших известному коллекционеру Отто-Онегину.

Модест Гофман вступил тогда в переписку с Еленой Александровной Пушкиной-Розенмайер, но лишь тридцатилетие спустя (так и не вернувшись в Россию) рассказал в печати о своей встрече с ней в статье,

напечатанной им незадолго до смерти, в 1955 году в нью-йоркском «Новом журнале». «У меня есть все основания думать, — утверждал он здесь вновь, — что существует еще громадный неизданный дневник Пушкина», добавляя: «Считаю своим долгом рассказать все, что знаю по этому поводу и что, может быть, поможет найти этот ценнейший документ, если он еще уцелел».

«В марте 1923 года, — сообщал далее Модест Гофман, вспоминая свою встречу с Еленой Александровной Пушкиной-Розенмайер, — я получил от нее письмо, в котором она писала, что через две недели уезжает в Африку и просит поторопиться с приездом в Стамбул — «дабы я могла передать вам, как представителю Пушкинского Дома, дневник и другие рукописи моего деда».

Получив от нее такое письмо, Модест Гофман выехал из Парижа в Стамбул. Внучка поэта, как оказалось, жила там с мужем в большой нужде. Она показала Гофману гербовую печать поэта и акварельный портрет Натальи Николаевны Пушкиной, но вслед за тем муж Елены Александровны сказал: «Что касается до неизданного дневника Пушкина, то тут недоразумение: Елена Александровна никогда не собиралась и не собирается никому передавать дневник своего деда». «Я пробовал снова убеждать, — пишет Гофман, — ссылаясь на то, что брать с собой дневник Пушкина в африканское путешествие — вещь слишком рискованная, но получил насмешливый ответ: «Не беспокойтесь, он находится в очень надежном и безопасном месте».

«В тридцатых годах, — продолжает Гофман, — я подружился с братом Елены Александровны, милейшим Николаем Александровичем, и очень хотел получить у него разъяснения, но безуспешно. «Я знаю на верное, — сказал Николай Александрович Пушкин, — что дневника у нее нет; где находится этот дневник, я не знаю, но помню, что в детстве видел его у отца». Николай Александрович Пушкин здравствовал в Брюсселе до 1964 года. Но трудно решить теперь, видел ли он когда-то у своего отца неизвестный дневник поэта или вспоминал о дневнике «№ 2», хорошо нам известном. Сестра его, Елена Александровна Пушкина-Розенмайер (также скончавшаяся — в Ницце в 1943 году), предлагая в 1923 году неизвестный дневник поэта, не являлась, по-видимому, его владелицей; если он действительно существует, то Елена Александровна могла скорее выступать посредницей, рассчитывая, что другие известные ей владельцы дневника согласятся — через нее — уступить или обнародовать его.

Что, однако, удерживает их поныне от опубликования дневника и не может ли ответ на этот вопрос помочь нам выяснить, кто эти владельцы?

Мы помним, как ревниво хранил Александр Александрович, старший сын поэта, пушкинский дневник («№ 2»), охраняя в нем, согласно

своим понятиям о долге, тайну, семейную и политическую. Вспомним, как возмущен он был, когда младшая дочь поэта, Наталья Александровна, разрешила И. С. Тургеневу напечатать — с некоторыми пропусками — письма поэта к жене. «Вообразите! — писал тогда Тургенев. — Меня какой-то А. В. письменно предупредил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем их отца! Почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатание?»*. Мистифицировал ли тогда кто-то Тургенева, но письмо, им полученное, отражало слухи, связанные с негодованием, овладевшим сыновьями Пушкина, и в мае 1882 года подлинники писем поэта к жене вместе с ответными письмами Натальи Николаевны были переданы Александром Александровичем Пушкиным Румянцевскому музею — с условием не предавать их гласности в течение пятидесяти лет.

Однако, прежде чем истек этот длительный срок, неопубликованные письма Натальи Николаевны, хранившиеся еще в первые годы после революции в Румянцевском музее, исчезли оттуда. Хранитель рукописей музея в ответ на расспросы говорил, как мне известно, что письма Натальи Николаевны возвращены были им наследникам поэта. Письма ее, по слухам, оказались затем, по-видимому, за границей — может быть, у тех же владельцев, к которым мог перейти и неизвестный нам дневник Пушкина.

В Англии живут поныне потомки младшей дочери поэта — Натальи Александровны. Дочь ее Софья вступила в конце прошлого века вmorganaticкий брак с великим князем Михаилом Михайловичем; таким образом, внучка Пушкина вышла замуж за внука Николая I, и ей дан был английский титул — графиня Торби. Брак этот вызвал гнев Александра III, великому князю был запрещен въезд в Россию, и внучка Пушкина осталась в Англии навсегда. Между тем ей принадлежали оставшиеся от матери подлинники французских писем Пушкина к невесте. Писем этих она никому не показывала (хотя текст их известен был в русском переводе, напечатанном в 1878 году И. С. Тургеневым по поручению ее матери). И лишь после ее смерти Сергей Лифарь получил возможность издать эти письма поэта по подлинникам в Париже в 1935 году.

Живущие в Англии потомки поэта принадлежат к высокому кругу английской аристократии. Одна из правнучек Пушкина, недавно скончавшаяся Надежда Михайловна, с тех пор как племянник ее по мужу, принц Филипп Греческий, стал супругом английской королевы Елизаветы II, была в близком родстве с королевой. Другая правнучка поэта, Анастасия Михайловна (в замужестве леди Вернхер), живет в Англии поныне.

Уехавшая из Москвы в Стамбул внучка поэта Елена Александровна Пушкина-Розенмайер, предлагая в 1923 году неизвестный дневник по-

* М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III. СПб., 1912, с. 149.

эта, могла знать, где он находится; этим, вероятно, объяснялся ответ ее мужа Модесту Гофману, приехавшему в Стамбул за дневником: «Не беспокойтесь, он находится в очень надежном и безопасном месте». Не имел ли этот ответ в виду английских потомков поэта?

Продавать дневник, если он существует и находится в их владении, у английских потомков Пушкина нет действительно никакой необходимости. А взгляды и представления, им свойственные, могли побудить их беречь тайну дневника, как стремились утаить записки Байрона его наследники. Все это может, мне кажется, объяснить, почему пушкинский дневник остается неизданным.

Дневник, нам известный (тетрадь «№ 2»), охватывает время с осени 1833 по февраль 1835 года, и потому дневник «№ 1» должен относиться, казалось бы, к предшествующим годам. Но сообщение Модеста Гофмана, утверждавшего, что неизвестный дневник Пушкина «еще больше реабилитирует честь его жены» и «прольет большой свет на историю дуэли», заставляет задуматься, не охватывает ли неизвестный дневник поэта и последние годы его жизни — 1835—1837; предполагаемый же объем дневника может навести на мысль о том, что дневник поэта охватывал весь период 30-х годов. И может статься, что известный нам дневник «№ 2» представляет собой лишь переписывавшуюся поэтом набело часть его черновых ежедневных записок (то есть обширного и до сих пор неизвестного нам дневника 1830-х годов).

Все это, разумеется, не более чем предположения — предположения о самой возможности существования неизвестного пушкинского дневника, о месте его нахождения и о времени жизни поэта, которое могло быть охвачено этим дневником. (Не исключено, конечно, что дневник находится и не там, где мы предполагаем.)

Но возможно ли вообще в наше время обнаружить огромную рукопись Пушкина, относящуюся к потаенной части его наследия? Отвечая: найти можно как раз то, что остается неизвестным, потому что было скрыто или потеряно. Нашли же в 1917 году внуки Пушкина рукопись его потерянной «Истории Петра», которая занимает теперь целый том в Собрании его сочинений, не говоря уже об обнаруженной в Ленинграде пачке писем Пушкина к дочери Кутузова, Елизавете Хитрово, и о двух найденных после Октябрьской революции лицейских поэмах, которые обнаружены были век спустя после смерти поэта, когда изменились все условия жизни нашего общества. Но за рубежом прежние условия еще существуют, и борьба за пушкинское рукописное наследство, начатая у гроба поэта, еще не окончена.

Гераклит говорил, что тот, кто не надеется найти, не найдет, ибо без надежды нельзя выследить и настичь. Нам казалось полезным поэтому собрать и изложить в кратком очерке неизвестные либо трудно-

доступные читателю данные по вопросу о том, существует ли неизданный дневник поэта, и рассказать о своих предположениях и догадках, не выводя их за окончательный вывод.

1962

С. С. ГЕЙЧЕНКО

ВОСПЕТОЕ ПУШКИНЫМ НА ВОРОНИЧЕ

Пушкин любил Михайловское особой любовью, ибо «здесь его святое провиденье осенило». Здесь укрепилось в нем «самостоянье». Здесь он понял, «зачем на свет родился». Здесь жил в тени своих предков. Все вокруг красноречиво рассказывало ему о далеком героическом прошлом этой земли. Ему нравились прогулки вдоль легендарной Сороти и реки Великой. Он подолгу рассматривал хранившиеся в древних храмах Воронича и Святогорья народные реликвии и святыни, вглядывался в черты древнего образа «Святогорской владычицы», ходил на народный обряд «уплытия ее на святой ладье в Псков». 17 июля 1826 года он сделал для себя об этом полужашифрованную пометку по-французски на листе бумаги... А реликвий повсюду было много. Свято хранил народ знамена и хоругви, с которыми ворончане вместе с псковскими стрельцами шли в бой против разбойных ратей, приходивших с западного рубежа на их землю, чтобы полонить и разграбить ее. Свято хранились памятные каменные знаки на полях боев. Кто только не нападал на нее: немцы и поляки, литовцы и шведы... До сих пор в древних народных сказаниях звучат злодейские имена Ольгерда, Витовта, Стефана Батория, Лжедмитрия... Сказания и легенды о героическом прошлом русской земли особенно интересовали Пушкина в период михайловской ссылки. Здесь он читает псковские летописи, роется в архивах Святогорского монастыря и Георгиевского храма на Ворониче, работает над историческими трудами Карамзина. Когда приехал к нему в гости поэт Н. М. Языков, они вместе совершили ряд путешествий по местам ратной славы Воронича, Велья, Белогоуля, Опочки, Пскова. Подолгу рассматривали они «то стен полуразбитых ряд», то курганы-надгробия героев, то кресты и камни, осеняющие дороги.

Он любил «то в телеге, то верхом» ездить по дорогам вдоль Сороти и Великой, по которым когда-то двигались рати на Воронич и Псков.

На этом особом интересе к прошлому своего отечества и возникла у него идея создания «Бориса Годунова». Эту мысль подчеркнули Добролюбов, историк Платонов, Благой и многие другие...

Много в заветных местах Пушкиногорья памятных исторических мест. Это прежде всего остатки Воронича, почти полностью уничтоженного во время нашествия 1581 года стотысячной армии польского короля Стефана Батория, — того замечательного русского города, с которого началась история Святых, ныне Пушкинских Гор.

От него сегодня осталось многое: городище, селище, погост! Работники заповедника и археологи, изучавшие эту землю, нашли в ней немало памятников материальной культуры того времени, оружие (мечи, ядра), орудия сельского хозяйства, предметы культуры, церковного убранства, домашнего быта и прочее.

В архиве известного собирателя исторических документов Псковщины Евгения Болховитинова, ныне хранящемся в украинской Академии наук, нами обнаружены записи интересных древних сказаний и легенд о Ворониче. Этнографы-фольклористы за последние годы собрали большой материал устного народного творчества о древнем Святогорье. В наше время следы древнего Воронича обнаружены и в Тригорском парке, и за его окраиной. Это многочисленные остатки каменных фундаментов усадебных домов, клетей, амбаров, лавок ворончан и даже старинного театра — «петрушкина баловня», как его тогда называли.

Среди следов есть и курганы, расположенные на полях, что за северной границей парка. Сохранился большой курган и в самом парке. На этом высоком кургане стоит прославленный Пушкиным «дуб-великан». Это — старейшее дерево не только в Тригорском, но и во всей округе Пушкиногорья. Современные ботаники рассуждают о нем разное, каждый по-своему датирует возраст дуба. Одни утверждают, что ему 400 лет, другие дают больше, а некоторые избегают датирования...

Как-то двадцать пять лет тому назад в заповедник в качестве гостя прибыл из Германии ученый ботаник-лесовод Карл Хунтер. Он привез на совещание в Ленинград. Привез с собой новый инструмент, которым можно измерять внутренние годовые кольца в стволе дерева. Этот измеритель действует особой иглой, полый внутри, которая под сильным давлением «простреливает» ствол дерева в нужном участке. В результате можно определить количество колец. К сожалению, своим прибором Хунтер не смог установить точное количество годовых колец нашего дуба, так как внутри его ствола имеется прогнившая древесина — дупло. Условно Хунтер датировал дерево — 400 лет!

Получив эту датировку, я еще крепче утвердился в своем предположении, что курган и дуб — это памятные знаки 1581 года.

Тут я должен рассказать о том, что случилось с прославленным дубом в 1941—1945 годах.

В 1945 году, закончив разминирование Тригорского, мы, работники заповедника, вместе с саперами, прибывшими специально из Ленингра-

да, и ленинградским ботаником Терентьевым приступили к спасению «дуба уединенного», которому гитлеровцы причинили большие беды.

Проводя оборонительную линию «Пантера» через Тригорский парк, фашистские воюки устроили в глубине кургана под сенью дуба командирский блиндаж размером 5 × 5 × 5 метров, отделали его внутри досками, снятыми с полов Святогорского монастыря, потолком служила корневая система дуба, обшитая сосновыми горбылями. Почти три года несчастное дерево стояло «на весу», с обрубленными корнями. Осторожно удалив из блиндажа доски и бревна, мы увидели, что земля кургана перемешана с огромным количеством сильно истлевших черепов и других человеческих костей. Несколько черепов были взяты нами и срочно отправлены в Ленинград в Институт антропологии Академии наук для датировки. Вскоре в заповедник приехал сотрудник института, который сказал, что обнаруженные черепа можно датировать XV—XVI веками.

После ликвидации блиндажа мы подвезли к дереву несколько автомашин хорошей огородной земли и конского навоза, перемешали их и засыпали в яму. А потом по нашей просьбе из Пскова прибыла пожарная машина с лестницами; были обрезаны засохшие ветви дуба-инвалида. В течение нескольких часов пожарные производили «омовение» кургана, дерева и прилегающего к кургану участка земли. Вскоре дуб ожил. С тех пор прошло 40 лет. Наш богатырь сегодня, как встарь, могуч и красив!

Как известно науке, до нашествия Батория Воронич был одним из самых больших городов Псковщины (после Пскова, конечно!). В нем была хорошо оборудованная крепость с пороховыми погребами, артиллерийскими орудиями, крепостными стенами и башнями. Город имел несколько посадов, слободу, деревни, шесть монастырей и церквей с полными причетами, около тысячи разных зданий. Всего в сем городе обреталось около 4000 человек.

«Здесь обилие во всем... На полях большой урожай и много хлеба», — писал о Ворониче в своем дневнике секретарь короля Батория ксендз Пиотровский.

Осадив Воронич со всех сторон, Баторий не смог с ходу взять город, в особенности его крепость — кремль. Пойманных ворончан интервенты вешали на дыбу, сажали на кол, жарили на огне. Все это делалось, чтобы показать засевшим в кремле: сдавайтесь, мол, а то вам еще хуже будет!

Наконец Воронич был взят. Пленных баб повели пехом в Польшу, где их ждали заранее построенные Баторием лагери-деревни под названием «Воронич». (Не поверив этому, я в 1953 году специально съездил в Литву, где действительно нашел деревню под названием «Воронич».)

Взяв Воронич, Баторий решил здесь, на берегу Сороти, отдохнуть. Для войска разбили огромный вдоль Сороти в сторону Великой лагерь, а для полководца поставили королевский шалаш с походной церковью-костелом и придворными службами. На плане похода Батория, ко-

торый был специально сделан по его указу (ныне план хранится в библиотеке Ватикана), показано все это...

Поход Батория на псковскую землю вообще не был удачен. Разгромив многие города и веси, он ушел из-под Пскова, как говорится, «не солоно хлебавши». Возвращаясь, Баторий еще раз остановился на Ворониче, приказал сжечь все недосоженное и перепахать остатки города... Что с большим остервенением и было сделано.

Вскоре сюда по приказу Ивана Грозного прибыли московские писцы, которым было поручено описать все, что причинил сему месту «антихрист Баторий». Эта печальная опись сохранилась. В ней «поведано потомкам православных, что все на Ворониче стало впусе». Остались лишь «стен полуразбитых ряд», да камни разные-опорные «от домов, клетей да лавок...», да поля, усеянные костями...

Но вот пришла на Воронич новая жизнь. Пришли другие люди. Город ведь был на страже границы российской. Он не мог не быть. Но таким, каким он был до Батория, ему уже было не стать...

Кости всех погибших ворончан были собраны и преданы земле. Их похоронили в братской могиле-кургане.

Там, где когда-то был центр Воронича, его «вече», «красная площадь», там и был воздвигнут курган, а на вершине его, как символ вечной жизни, был посажен молодой дуб. Дуб — символ вечности. Об этом говорит историк Древнего Рима Тацит. Дуб, как знамя, стоит повсюду и в древнем Египте, и в Армении, и на Украине, и в Крыму, и в Прибалтике. Есть в нашей стране старые дубы, которым многие сотни лет и даже тысячи. Древние римляне считали дуб деревом, имеющим возраст вселенной. Дуб — это олицетворение мужества и силы... Закладывая свой новый дом — Петергоф, Петр Великий прежде всего посадил в нем дуб заветный. Закладывая свое имение на Псковщине, прадед Пушкина «арап Петра Великого» посадил при входе в свое имение дуб-богатырь.

С тех пор, до пожалования земли бывшего Воронича Екатериной II помещику Вындомскому, ежегодно 6 августа в день разгрома Воронича в церквах Святогорья и Воронича гремел круглосучно траурный колокольный звон. Служились памятные службы по злодейски убиенным «господам ворончанам», и вечером все здешние жители шли к кургану на гульбище справлять тризну по героям.

Сейчас на Ворониче знаменитый парк Тригорского. На окраине его стоит дуб-богатырь — «дуб уединенный». Им не раз любовался Пушкин.

Любуемся и гордимся дубом и мы, когда проходим по следам древнего Воронича.

Не все обычаи старины сегодня исчезли. Приятно и радостно сегодня видеть, как здешние сельчане встречают весенние дни. Любят они жечь ночью костры. Они горят, как горели сигналы в древние времена на городищах и селищах. Вот загорелся костер жителей деревни Дедовцы, а вот ответный им огненный знак деревни Зимари. Им отвечают

своими огнями Батово, Вече, Белогулье, Косохново... Огни мерцают, как звезды в небе... И вот приходит миг, и возжигается огонь у «Михайловского лукоморья»... По всему горизонту, на всех холмах — костры, огни, огни... Горит гигантская свеча, повсюду огненный благовест — «на земле мир и людям благоволение». Как и встарь, огонь сигналил всем, всем, всем... Эй, славяне, ворончане, пушкиногорцы, люди русские, живые, молодецкие, советские — будьте живы, живы, живы! Многая вам лета! Берегите свою землю, свою Родину, свою старину, свои добрые обычаи, торжественно встречайте свои праздники Весны, Победы, Жизни и Труда, праздник Пушкина. Будьте крепки, как «дуб заветный» на Ворониче.

Сегодня здесь, как и повсюду, все готово к великой панихиде по Пушкину. Здесь дом поэта — его «приют, сияньем муз одетый», здесь его друзья, братья, товарищи. Здесь его могила! Здесь его музей. Повсюду толпы поклонников: они и на Святогорском холме, и у «дивана Онегина», и у «баньки-светелки», и у «ели-шатра», и у «березы-седла», и у «дуба заветного». И всюду слышен Пушкин, его поэзия, поэзия народа, его легенда и сказания про то, что здесь некогда было, что случилось и чем сердце успокоилось, и чем оно живет сегодня в торжественные дни на земле, воспетой великим поэтом.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. В памяти народной	3
Н. Н. Скатов. Детство гения.	13
И. С. Зильберштейн. Дневник Аннет Олениной	23
И. Л. Фейнберг. Пропавший дневник	36
С. С. Гейченко. Воспетое Пушкиным на Ворониче	43

ВЕНОК ПУШКИНУ

Статьи

Составитель и редактор Д. К. Иванов

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 27.01.87. Подписано к печати 30.03.87. А 00352. Формат 70 × 108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учет-
но-изд. л. 3,17. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80000 экз. Изд. № 1211. Зак. № 116.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

- Участвуя в лотерее «Спортлото», вы вносите свой вклад в развитие физкультуры и спорта. Сотни спортивных сооружений в больших и малых городах страны построены с участием доходов этой спортивно-числовой лотереи.

- Тиражи «Спортлото» проводятся еженедельно.

- Выигрыш — от трех до 10 000 рублей.

- Каждый билет участвует в тираже двумя игровыми вариантами. Он выигрывает, если с результатами тиража совпадут не менее трех зачеркнутых номеров в одном из вариантов.

Желаем удачи!

**Главное управление
спортивных лотерей
Госкомспорта СССР.**